

Мой палач.
ЛЕЗВИЕМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕКАТЕРИНА РОМЕРО

18+

Мой палач

Екатерина Ромеро

Мой палач. Лезвием

«Автор»

2023

Ромеро Е.

Мой палач. Лезвием / Е. Ромеро — «Автор», 2023 — (Мой палач)

Я думала, что чудовища бывают только в сказках, пока одно из них не забрало меня себе. До встречи с ним я не знала, что такое боль, пока он не открыл мне все ее грани, вспоров мою душу острым, как бритва, лезвием. “Я дрожала в его руках. Стонала, умоляла и боялась, тогда как он упивался моей болью, жаждой и желанием мести. Дикий, ненормальный психопат, конченный ублюдок. Он пронизывал мое сердце лезвием своей горечи, заставляя ненавидеть себя за то, что когда-то я любила его до потери пульса”.#Жестокий герой#Невинная нежная героиня#МстьПРОДОЛЖЕНИЕ: МОЙ ПАЛАЧ, РЕКВИЕМ

Содержание

Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	37
Глава 13	41
Глава 14	44
Глава 15	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Екатерина Ромеро

Мой палач. Лезвием

Я думала, что чудовища бывают только в сказках, пока одно из них не забрало меня себе. До встречи с ним я не знала, что такое боль, пока он не открыл мне все ее грани, вспоров мою душу острым как бритва лезвием.

“Я дрожала в его руках. Стонала, умоляла и боялась, тогда как он упивался моей болью, жаждой и желанием мести. Дикий, ненормальный психопат, конченный ублюдок. Он пронизывал мое сердце лезвием своей горечи, заставляя ненавидеть себя за то, что когда-то я любила его до потери пульса”.

Глава 1

– Ася, выдохни, у всех мандраж перед выступлением, особенно перед первым. Ну забудь ты свою партию, налажаешь в нотах и упадешь на сцене, с кем не бывает.

Подружка поправляет мои завитые локоны, перекидывая их через плечо, и улыбается, видя, что у меня уже пальцы от волнения дрожат, как у алкоголика.

– Спасибо, Светуль, ты умеешь поддержать.

– Не дрожи, малышка. Ты же и так знаешь, что лучшая на курсе. Ах, ты такая красивая в этом платье! Как куколка хрупкая, а там уже, между прочим, полный зал зрителей собрался! Так, все, выходи уже, тебя представили. Покажи всем, кто такая Асия Синицына, удачи!

Киваю, сглатывая, и делаю первый шаг на сцену из-за кулис. Ох, чувствую, как теперь подрагивают не только пальцы, но и также лодыжки на этих жутко высоких шпильках. Ходить на таких я не особо еще умею. Это даже не мои туфли, если честно. Я взяла их на время выступления. Не упади, только не упади...

Это мое первое такое большое выступление, к которому я готовилась как проклятая последние четыре месяца. Так... Бетховен. Мой любимый Бетховен. Лунная соната. Ничего сложного, вообще ерунда. Главное, не упасть, не налажать. Не сбиться с ритма. Не забыть поклониться, и еще куча всего...

Я в высоких лодочках на шпильке и черном платье в обтяжку, по колено, в котором чувствую себя слишком... раздетой. Не стоило его надевать, но оно было такое красивое, что Света буквально заставила меня его нацепить, прыгая предо мной почти что с бубном. Зря я согласилась, точно зря. В простом худи и джинсах мне было бы куда более привычно, но большой концертный зал в центральной опере все же обязывает придерживаться дресс-кода.

Прикусываю губу. От волнения хочется пить, но назад дороги нет. Я хочу выступить. Мечтала об этом и готовилась как ошалелая, играя даже по ночам. Ну же, давай, я смогу. Я готова.

Выйдя на центр сцены, мельком бросаю взгляд в зал. Ух... Полный, битком забит, даже в этой полутьме видно. Многие на камеру меня снимают, блестят фотоаппараты и телефоны, а у меня внутри дикий мандраж, иначе не назовешь.

Быстро кланяюсь и в этот момент замечаю какой-то блеск. Прямо по центру в первом ряду огромная черная тень. Зритель. Его лица не видно, но кажется, это мужчина, судя по широким плечам. Я увидела блеск от его часов. Странно, почему меня вообще сейчас это волнует.

Сильнее сжимаю ноты в ладонях и вскоре устанавливаю их на черное фортепиано. Красивое, новое, лакированное. Студентам, как я, на таких редко приходится играть. В филармонии мы тренируемся на обычных стареньких пианино, поэтому сейчас я даже трепет какой-

то чувствую. Этот инструмент звучит совсем иначе, пробирает, поэтому вскоре моя мелодия начинает разливаться по всему залу, выходя из-под пальцев идеальным лунным звучанием.

Играя, я замечаю, что зал словно застыл. Все слушают меня, тогда как я то и дело кошусь в сторону этого блеска, доносящегося из первого ряда. Кто это и, главное, почему мой взгляд то и дело падает на эту тень?!

На удивление, со своей партией я справлюсь хорошо и даже проблемные участки мелодии, за которые всегда переживала, играю отлично, поэтому, как только поднимаюсь со стула, слышу аплодисменты. Много громких аплодисментов.

Не могу сдержать улыбку. Овации. Первые в моей жизни.

Бросаю взгляд за кулисы, где Света уже едва ли не прыгает от радости. Вижу, что машет мне. Ой, она показывает, что кто-то принес мне цветы!

Осторожно подхожу к концу зала и, наклонившись, застываю. Очень высокий мужчина в черном костюме и белоснежной рубашке подошел ко мне.

Он молча протягивает мне букет цветов, и, дико смутившись, я все же его принимаю.

– Спасибо.

Улыбаюсь ему коротко, однако тут же жалею, что вообще подошла к краю сцены. Этот мужчина... Очень высокий смуглый крепкий брюнет. От него словно смертью веет и морозом каким-то арктическим, но хуже всего его глаза... Серебристые, блестящие, как лед, и нет там вообще никаких эмоций, кроме холода.

Когда принимаю от него букет, руки обдает огнем.

– А-ай!

Закусываю губу. Больно. Ах, какие же они колючие! Длинные стебельки роз усеяны острыми закрученными шипами, и вот уже у меня на ладони выступают три капельки алой крови.

Щиплет. Неприятно. Зачем я вообще эти розы взяла, хотя вроде же невежливо отказываться от букета... Он ведь мне их подарил. Мне, вообще-то, нечасто дарят букеты, и это первое мое такое большое выступление от филармонии.

Когда с ладони перевожу взгляд обратно на этого мужчину, его больше нигде нет, а у меня в руках остаются розы.

Только, выйдя за кулисы и отложив еще несколько подаренных мне букетов, я не могу оторвать взгляд именно от этих цветов. Черные розы. Длинные, матовые, невероятно острые, и еще почему-то их парное число... четыре.

– Аська, ты была на высоте! Зал аж замер, когда ты играла, а твои преподаватели хлопали стоя. Ты видела? Видела?!

– Да. Римма Олеговна аж прослезилась почему-то, но я могла лучше, ты знаешь. Волновалась просто сильно, поэтому дважды чуть не сбилась с ритма.

– Кроме тебя, этого никто не заметил, поверь, ну и платье сработало идеально! Ты мой талант, малышка, настоящая умница, и тебя точно ждет успех. Ого, а это еще что?

Света кивает на этот букет черных роз, которые я осторожно ставлю в вазу.

– Один зритель подарил после выступления.

Подруга подходит ближе и после этого меняется в лице.

– Ась, их же тут четыре, и черные какие-то. Зачем ты взяла?

– Не знаю. Не сориентировалась вовремя. Растерялась.

Потираю прохладные ладони. Вечно мерзнут у меня, даже в комнате. Взгляд падает на ладонь, где осталось три царапины от шипов. Болит. Неприятно, ну да ладно. Заживет быстро.

– Ась, пошли в кафешку, отметим твой дебют!

Света прыгает возле меня, все никак не угомонится, однако я чувствую какую-то непонятную мне дрожь в теле.

– Нет, Светуль, спасибо. Уже очень поздно. Я домой лучше поеду. Там родители ждут.

– Так и знала, что ты домой сразу захочешь... Домосед ты мой талантливый. Так, а родителей разве не было сегодня в зале?

– Нет. У папы давление. Мама с ним осталась.

– А-а, ну ладно. Давай, детка, завтра увидимся. Микела Георгиевна принесет новые ноты, будем разбирать.

– Спасибо, что поддержала, Свет. Я бы одна точно не вышла на сцену.

Быстренько целую подругу в щеку и вызываю такси. Уже скоро одиннадцать вечера. После выступления чувствую себя довольной, но жутко уставшей, поэтому решаю не шататься одна по театру так поздно и не снимаю грим и платье. Дома уже переоденусь в нормальную одежду и наконец выдохну за весь день.

Наспех накидываю пальто на плечи и выхожу на улицу, тут же улыбаясь. Первый снег пошел сегодня. Как же это красиво, вот только мои лодочки на шпильке совсем не по погоде будут. Ноги сразу же обдает холодом. Морозный ветер обдувает голые лодыжки.

Подхожу к дороге, кутаясь в пальто. Где же это такси... Двадцать минут ведь давно прошло, и я скоро тут сама в ледышку превращусь!

Быстро оглядываюсь по сторонам. Темнота вокруг почти непроглядная, едва освещаемая фонарями. Где-то отдаленно люди ходят, но мне все равно как-то не по себе. Не знаю почему, но этот месяц словно бы другой. Да, наверняка это уже параноя от перегрузки в учебе, но все равно. В последнее время у меня создается стойкое впечатление, что за мной кто-то следит. Словно кто-то ходит за мной. Тенью.

В сумке трещит телефон, и от этого я аж подпрыгиваю. Господи... Смеюсь про себя. Света бы тут уже угорала надо мной. Она вообще ничего не боится. Ей хоть бы что ночами одной разгуливать, ну а я... домой я уже хочу.

Мама наверняка волнуется, где меня носит. Потом еще выслушивать от нее и от папы нагоняй. С таким контролем я точно никуда от них не съеду до завершения учебы, хотя у меня всего-то еще первый курс.

Я начинаю шарить в сумке, пытаюсь откопать эту звенящую штуку, и, как только нахожу мобильник, не могу сдержать улыбку.

“Мамуля” светится на дисплее.

Кто бы сомневался. Сейчас отчитывать начнет, где я так долго и почему не звоню после выступления рассказать, как все прошло.

– Аллю, мам...

Ответа я не слышу, так как прямо в этот момент меня буквально сбивают в ног. Не то животное, не то машина – не пойму. На этих высоченных туфлях я быстро теряю равновесие, когда чья-то огромная лапа сзади зажимает мне рот, не давая проронить ни звука.

Сильный. Огромный, нерушимый, как бетонная стена.

В одну секунду меня зажимают так крепко, что я даже пошевелиться не могу. Ни убежать, ни оттолкнуть, ни даже закричать не способна.

Телефон тут же выпадает из моих ладоней вместе с сумкой. От ужаса я вся цепенею.

Что... кто это? Ограбление? Тогда почему он не отпускает? Ведь я уронила сумку. У больше нет ничего ценного, даже часов.

Кровь вперемешку со страхом пульсирует где-то в висках. Сердце за секунду ускоряет ритм до предела.

Все происходит очень быстро, и я не успеваю позвать на помощь. Стараюсь дернуться, оттолкнуть, но ничего не получается. Я его не вижу и могу только чувствовать. Силу. Звериную, холодную, жестокую. Этот зверь не отпускает, намертво зажав меня в своих руках и приложив какую-то вонючую тряпку к моему носу и рту.

У меня нет ни единого шанса. Легкие просят воздуха немедленно! Перед глазами все мелькает, и когда, наконец, я делаю такой необходимый и желанный вдох, то вместо прохладного декабрьского воздуха вдыхаю какой-то едкий тошнотворный запах.

Сразу после этого яркие огоньки ночного города почему-то начинают расплываться у меня перед глазами. Все закручивается, и дальше я помню только какой-то болезненный укол в шею, после которого даже двигаться больше не способна.

Ноги как будто отнимаются, и хоть к губам уже ничего не прикасается, но кричать я больше не способна, как и двигаться. После этого я просто падаю, отключаясь в руках у самой смерти.

Глава 2

Открываю глаза, а вокруг темнота. Черная, густая, пронизывающая каждую мою клетку неизвестностью.

– Где я, что...

Губы едва шевелятся, а во рту настолько сухо, словно я не пила неделю.

Пытаюсь подняться, но тут же падаю обратно. Совсем нет сил в руках и ногах, они словно... онемели, как и все мое тело.

По спине разливается холод. Мерзкий, сильный и беспринципный. Снова пытаюсь подняться, но, как только встаю на ноги, не удерживаю равновесие и падаю.

Перед глазами все расплывается, словно я выпила какой-то алкоголь, однако я никогда не пью и не могла ничего такого употребить даже по ошибке.

Чисто на автомате тянусь рукой к шее. Провожу пальцами по нежной коже, пока не натыкаюсь на крошечную болезненную точку. Укол. Мне сделали укол!

Воспоминания яркими вспышками ударяют в голову. Концерт, выступление, розы... Я же такси ждала на улице, оно вот-вот должно было подъехать, а потом... чернота, чьи-то очень огромные руки, крепко сжавшие меня сзади, и еще этот запах, который я вдохнула впервые, необычный, мускусный.

Из груди вырывается какой-то истерический всхлип. Где я? Меня похитили, чтобы ограбить? Бред. У меня нечего взять. Вообще нечего. Туфли разве что, да и то они не мои.

Заставляю себя снова подняться и тут же обнаруживаю, что я в одной только туфле. Второй нет, поэтому сейчас я едва ступаю полубосая по полу. Жутко холодный, шершавый, жесткий. Кажется, это бетон. Ох, как же сильно меня качает... Я даже нормально идти не могу, совсем!

– Помогите. Помогите мне!

Обхватываю себя руками. Мне так холодно, хотя я все еще в своем пальто.

Чисто на ощупь пробираюсь по этой темноте, пока мои глаза не привыкают к мраку, и через миг я замечаю крошечный проблеск тусклого света.

Подхожу ближе, а точнее, подползаю, едва не сваливаясь на пол. Судорожно шарю пальцами по этому проблеску света. Стекло, но оно забито чем-то. Кажется, досками. Неотесанными и очень холодными. На улице темно, луна только ярко светит, и вокруг такая тишина стоит, что мне кажется, я слышу стук собственного сердца. Гулкий, сбивчивый, встревоженный.

– Э-э-эй! Помогите, ну, кто-нибудь!

Мне кажется, я кричу очень громко, но от страха из груди вырывается лишь какой-то слабый писк. Что... что здесь вообще происходит?!

Телефон. Точно! Как же я не додумалась сразу, вот только где он?!

Возвращаюсь в место, откуда я встала. Нашупываю на полу что-то кожаное, твердое. Какой-то мат или что – непонятно.

Шарю руками везде, но сумочки нигде нет, как и моего телефона.

Мама. Она же там уже с ума сходит! Я не вернулась домой с концерта. Сколько часов прошло? Час, два, а если больше...

Облизываю сухие губы. Я хочу пить. Сильно. К горлу внезапно подкатывает едкая тошнота, и я с огромным трудом сдерживаюсь, чтобы меня не вывернуло.

Что было в том уколе... Наркотики, какой-то яд? Глупости, конечно. Не может быть.

Лихорадочно пытаюсь вспомнить номера телефонов. Полиция, скорая, мамин телефон. Стоп. У меня все еще нет мобилки. Как я буду звонить?

Паника подбирается к горлу, а еще здесь очень-очень холодно. Это похоже на какой-то неотапливаемый подвал или что, я не знаю. Здесь темно и, наверное, не больше трех градусов тепла. Слегка посвистывает ветер через забитое окно, и мне становится еще более жутко.

Я кутаюсь в свое пальто сильнее, но в этом помещении очень сыро, отчего моя одежда быстро набирает влагу и почти не согревает меня, но хуже всего ногам. Я очень теплолюбива, вечно мерзну, поэтому сейчас, когда стою полубосая на этом бетоне, мои стопы просто коченеют.

Мысли сбиваются в кучу. Первый снег сегодня выпал, и я ловила его губами.

Снежинки таяли на них, а потом... Стоп. О чем я думаю? Ася, соберись!

– Кто-нибудь! Выпустите меня отсюда!

Пошарив еще немного вдоль стены, я возвращаюсь на этот мат. Я все же нахожу дверь, но там даже ручки нет. Ничего нет, как и выключателя.

Все кажется каким-то нереальным страшным сном. Хочу проснуться, стараюсь изо всех сил, и не выходит, потому что это не сон, это все реальность, заставляющая кровь стечь в жилах и пускать сердце в пляс.

Через какое-то время меня начинает трясти. От этой убивающей тишины, мрака и неизвестности. Я хочу спать, плакать и пить, но ничего из этого у меня не получается. Все, что могу, – подобраться к стене и обхватить ноги холодными ладонями, пытаюсь хоть как-то согреться.

«Это точно подвал», – мелькает в голове. В обычном помещении мне было бы теплее, а значит, кто-то специально притащил меня сюда.

Провожу руками по лицу. На пальцах чувствую косметику. Наверняка макияж уже поплыл, но сейчас мне все равно, как я выгляжу. Я хочу выбраться отсюда, и если это просто дурацкая шутка, то мне уже совсем не смешно.

Какой-то резкий звук заставляет подскочить на месте. Яркий свет бьет в глаза, а когда они все же привыкают к этому, я вижу зверя. Впервые. И замираю перед ним. В одночасье.

Если раньше я думала, что видела смерть, то я ошибалась. Вот она, смерть. Величественная, безумно красивая... статная, я бы сказала. Стоит предо мною в облике этого мужчины. Очень высокий, под два метра ростом, огромный, мускулистый. В черном костюме с распахнутой на груди белой рубашкой и в туфлях.

Этот мужчина молча заходит и идет прямо ко мне, заставляя вжаться в холодную стену спиной.

У него широкий разворот плеч, кожа смуглая, с явным бронзовым отливом, черные волосы назад уложены, серьезное лицо, а глаза... контрастные, серебристые. Холодные, как арктический лед.

Присматриваюсь к нему. Такая внешность завораживает просто. Стойте... я видела его уже! Абсолютно точно.

– Вы?! Вы на концерте моем были.

Мужчина не отвечает. Игнорирует, смотря на часы.

Лихорадочно оглядываюсь по сторонам. Это точно подвал, вот только зачем здесь установлен туалет? Кроме него, шкафа и мата, на котором я сижу, здесь нет ничего. Совсем ничего!

– Что вам надо от меня? Зачем вы притащили меня сюда?!

– Молчать. Не двигаться.

Его голос... Он заставляет дрожать воздух в этом подвале, и меня в том числе. Я всегда реагирую на звуки. Занятия музыкой обостряют мой слух до предела. Никогда такого голоса

не слышала. Очень низкий, грубый, пробирающий, он касается каждой моей клетки, заставляя меня трепетать перед ним.

– Что вы сказали? “Молчать”? Так, все, я не собираюсь здесь больше мерзнуть!

Резко поднимаюсь, но меня все еще сильно пошатывает, и, не пройдя даже нескольких шагов, я кулем сваливаюсь на холодный бетонный пол.

Перед глазами все сильно плывет, и из груди вырывается рвотный спазм. Мне плохо, но я не ела сегодня ничего после обеда, все за концерт переживала, поэтому меня, к счастью, все же не тошнит.

– Что со мной... Боже, что вы мне вкололи?!

– Я же сказал не двигаться. Обратно ползи, зверек.

– Это шутка такая или что? Вы серьезно сейчас говорите?

– Да, – незнакомец отвечает спокойно своим дико низким баритоном, как будто все, что тут творится, в порядке вещей.

– Это какая-то жуткая ошибка! Мне нужно домой.

Преодолевая вселенскую слабость в теле, я все же снова поднимаюсь и плетусь к двери, но, как только подхожу к ней, этот огромный мужчина в два счета наступает и захлопывает дверь прямо перед моим носом.

Теперь он стоит рядом, и, чтобы увидеть его лицо, мне реально приходится высоко задирать голову. Ох... какой же большой, высокий. Раза в три будет меня по комплекции больше. Просто великан под два метра ростом, которому я едва ли до груди достаю.

– Откройте дверь. Быстро.

– Нет.

– Как это “нет”?!

– Ты будешь сидеть здесь.

От шока я аж рот открываю.

– Вы шутите или вы ненормальный? Может, у вас обострение сезонное или что?! Я не буду здесь сидеть. Откройте дверь, я вам говорю! Верните мою сумочку и телефон! – кричу уже на него, но этот айсберг не реагирует. Совсем, и тогда мне надоедает.

Обычно я на людей не кидаюсь, но сейчас нет другого выхода. Что есть сил я толкаю его в грудь, но он даже с места не двигается. Совсем! Вместо этого мужчина с легкостью перехватывает меня за запястье и заводит руку мне за спину. Больно. Чертовски больно!

– Аа-а-ай! Пустите!

И он отпускает, однако я в тот же миг лечу прямо на мат.

Сглатываю, во все глаза смотря на этого дикаря. Где его манеры, это вообще что за поведение с девушкой?!

У него такая внешность... красивая, но грубая какая-то, brutальная. Блестящие волосы уложены назад, лицо серьезное, суровое даже из-за прямого взгляда из-под черных бровей с изломом. Губы четко очерченные, короткая густая ухоженная щетина.

Хм, сколько ему лет... Не знаю, голова как в тумане, не могу понять, но этот мужчина точно намного старше меня. Может, лет тридцать или чуть больше.

Могла ли я раньше его знать? Нет. Исключено. Я со взрослыми мужчинами не общаюсь и не знакомлюсь никогда. Мама бы меня на пушечный выстрел к такому не пустила. Вот Света – это да. Может еще на свиданки бегать, ну а я... ноты обычно дома разбираю. Родители почти никуда не пускают гулять. Я только с мальчишками с курса пересекаюсь, но им так же, как и мне, не больше восемнадцати, а это... взрослый мужчина.

– Скажите, что вам нужно от меня? Вы что, какой-то мой фанат?

Айсберг молчит. Открывает шкаф. Достает оттуда что-то. Вижу его широкую спину. Ох... что-то он реально большой. Спортсмен, что ли, или военный.

Сжимаю кулаки. Такой непробиваемый. Да что с ним?!

– Слушайте, может, вам нужны деньги? Если да, то вы точно ошиблись. У меня нет денег, и мои родители вовсе не богаты.

– Это не твои родители, – отвечает просто могильным тоном и идет ко мне. Я же быстро отползаю от него подальше, пока не упираюсь спиной в стену. Этот человек опасен. Я уже это понимаю. Он двигается как хищник. Тихо, бесшумно, но я вижу, что в любой момент он может напасть.

Вздрагиваю, когда айсберг бросает на пол рядом со мной... тарелки. Точнее, это не тарелки даже, а обычные жестяные миски, из которых кормят животных в вольерах.

Одним движением ноги зверь пододвигает эти миски ко мне, после чего берет какой-то желтый пакет и насыпает оттуда корм. Замечаю его руки. Сбитые на костяшках, жилистые, крупные и точно очень сильные. По этикетке вижу, что он насыпает простой собачий корм.

– Это что такое?

– Твоя еда.

Кажется, от шока я замираю. Он произносит это абсолютно серьезно, а я... не знаю даже, как реагировать.

– Еда?! Это же собачий корм!

– Я знаю.

Я смотрю на него снизу вверх и поверить не могу. Да что ему нужно?

– У меня есть родители и они будут меня искать! Вы меня похитили и удерживаете здесь насильно. Вас найдут и посадят в клетку. Это похищение человека, похищение женщины! – кричу уже, чувствуя, как подрагивают пальцы, а щеки становятся мокрыми от слез.

– Ты не женщина, тварь.

Грубо, жестоко и страшно. Бандит говорит это абсолютно уверенно, смотря на меня сверху вниз, как на что-то... низкое, бесправное, просто как на букашку.

– А кто же я, по-вашему?

– Ты моя сука теперь, моя вещь.

Глава 3

Услышанное слово ведром ледяной воды меня окатывает. Со мной никто и никогда так грубо не говорил. Господи, я не верю. Это все... какой-то страшный сон.

От холода мои руки начинают все сильнее подрагивать, однако желание выбраться отсюда сильнее, и оставаться спокойной я уже не могу.

– Откройте дверь, прошу! Я просто уйду. Никто ничего не узнает. Вы ошиблись. Я никому не расскажу. Скажу, что просто заблудилась. Сумку потеряла – да придумаю что-то! Меня родители дома ждут, пожалуйста!

– Нет.

Этот бандит просто непробиваем, поэтому, понимая, что просить его выпустить меня нет вообще никакого смысла, я решаю попробовать еще раз.

Вскакиваю с этого почти ледяного мата, стягиваю свою лодочку и просто набрасываюсь на этого великана. Я хочу ударить его каблуком, как бы это странно ни звучало, однако мой план проваливается с треском. Я не умею драться. Совсем, да и спортсменка из меня никудышная. У меня получается просто отвратительно.

Даже не напрягаясь, этот мужлан с легкостью ловит меня и за секунду выбивает туфлю из моей руки, вместо этого с силой впечатывая в свою грудь спиной. Невольно снова вдыхаю его запах. Сильный, явно дорожный парфюм. Нет. Деньги ему точно не нужны. Тогда что ему надо...

Замираю в его крепких руках. Даже двигаться боюсь. Он как зверь, только хуже...

– Еще раз посмеешь наброситься на меня, сука, пожалеешь, что на свет родилась.

После этого он отпускает меня, и я кулем падаю на мат.

– Вы ненормальный... Да что вам нужно от меня?!

– Ты. Мне нужна ты. До последней капли крови.

– Да как вы можете так обращаться со мной?! Я женщина! Меня зовут Ася Синицына! Вам точно нужен кто-то другой!

– Нет. Мне нужна ты, тварь. Ты моя вещь, и имени у тебя больше нет.

С каждой секундой я словно проваливаюсь в трясину. Черную, мерзкую и холодную. Я утопаю в ней. А точнее, мужчина, стоящий напротив, топит меня голыми руками.

– Ты моя сука, поняла?

Мотаю головой, чувствуя, что еще немного – и я просто свихнусь.

– Нет... Нет. Что здесь происходит?!

Вижу, как бандит усмехается, показывая белые ровные зубы и острые клыки. Его улыбка заворожила бы своей мужской грубой красотой, если бы сейчас не была такой свирепой... как у зверя. У тигра – огромного, дикого.

– Теперь я твой хозяин, девочка. Твой царь и бог. Первый и последний. Ты дышишь, пока я разрешаю, ты ешь, пока я позволяю. Ты будешь расплачиваться за грехи своей семьи, пока я не решу, что ты выплатила долг.

– Какие еще грехи, какой долг? И как именно расплачиваться?

– Как я пожелаю. Если еще пожить хочешь, ты будешь меня слушаться, зверек. Во всем.

Возникает пауза, и я слышу лишь свое сиплое дыхание. От ужаса голос сбивается, поэтому следующий вопрос я задаю почти шепотом:

– А что будет потом? Когда я расплачусь с вами?

– Тебя казнят, – зверь говорит прямо, а я поверить не могу в то, что слышу. Липкий страх окутывает все тело от понимания того, что он говорит это абсолютно серьезно...

Хватаю ртом воздух, как рыба. Меня начинает водить, и вскоре силуэт зверя расплывается перед глазами. Мне становится плохо, как-то дурно. Воздуха все время не хватает.

Прихожу в себя, лишь когда громко хлопает дверь и я слышу поворот ключа. Он ушел. Этот демон без имени.

Дрожь током пробирает тело. Это никакой не грабитель и не безумный фанат. Нет. Он сделал это абсолютно осознанно и все продумал.

Этот мужчина забрал меня себе, чтобы взимать с меня какой-то долг, о существовании которого я не имею даже представления, а после... казнить?!

Усталость вперемешку с введенным мне препаратом вскоре просто вымаривают меня, и я просыпаюсь только утром, когда в подвал начинают просачиваться лучики света.

От холода зуб на зуб не попадает. На улице декабрь, а на мне одно только платье с выступления да легкое пальтишко. Ноги просто окоченели, и вскоре из груди вырывается предательский кашель. Отлично! Заболеть еще не хватало для полной картины.

Дрожащими руками убираю волосы с лица. Вчера это была красивая прическа и завитые плойкой локоны, а сегодня какая-то пакля, слипшаяся от лака, отсутствия расчески и грязи. Что с моим макияжем стало, могу только представить, так как даже намек на зеркало здесь нет.

Очнувшись ото сна, быстро вскакиваю на ноги. Эта дикая слабость прошла, и теперь я могу ясно мыслить. Наконец-то!

Тот мужчина с серебристыми глазами, подвал, укол в шею. Это все не сон. Меня похитили! Господи, как это вообще со мной могло произойти?!

Взгляд падает на две жестяные миски, стоящие рядом со мной, и нервный смешок тут же вырывается из горла. В одну вода налита, а во второй корм. Для собак. Собачий чертов корм!

Он точно ненормальный. Просто какой-то психопат, если думает, что я буду есть это в такой посуде, да еще и с пола, как животное!

Подбегаю к двери, но она по-прежнему закрыта.

– Эй, откройте немедленно! Слышите? Я вас засужу! Надолго!

Колочу эту дверь несколько минут, пока рука уже болеть не начинает, но никто не откликается. Тишина просто гробовая, поэтому я подбегаю к маленькому окну. Стекла забиты досками, как я вчера и обнаружила. Пытаюсь снять их, но ничего не получается. Черт, почему я такая слабая? Усмехаюсь горько. Да потому, что, кроме фортепиано, в моей жизни не было ничего. Ноты, выступления, подготовка и тренировки. Все. Музыка – моя жизнь, хотя надо было, наверное, ходить хотя бы на бокс. Тогда бы знала, как давать отпор таким сволочам, как зверь. В черном костюме.

Не знаю почему, но от него словно смертью веет, холодом арктическим, серебристым, как и его глаза. Я поняла это еще тогда, на сцене, но почему-то не придавала значения. Если бы я знала, что он похитит меня, этими самыми колючими розами, которые он мне подарил, надавала бы ему по лицу!

В голове мелькает воспоминание о сумочке и моем утерянном телефоне. Если зверь его не подобрал, наверняка же кто-то нашел, но не думаю, что хоть одна добрая душа догадается позвонить маме. А ей нельзя нервничать. У нее сердце больное, да и отец тоже болеет давно.

Может, хоть Света домой наберет... Ну же, Свет, вспомни обо мне!

Вглядываюсь в небольшую щель между досками. На улице светло, вижу какой-то двор, присыпанный снегом газон и высокие кованые ворота. Металлические. Территория огромная, везде выложена красивыми камнями. Где же я... Как далеко от дома?!

Казнь. Это слово то и дело крутится в мыслях. Он шутил ведь, не так ли? Какая казнь в современном мире, за что?

Этот демон просто пугал меня. Чтобы я не ревела, так ведь? А если нет... Что это вообще такое? Секта, какой-то клан? Черт возьми, куда я вообще попала?!

Одно только понимаю: мне нужно выбраться отсюда, притом немедленно. Родителям уж как-то поясню, где меня всю ночь носило.

Только как выбраться отсюда... как?

Шарю руками по этим доскам, пока палец не цепляется за один из гвоздей. Забит не полностью, “шапочка” торчит на пару сантиметров. Есть!

Хватаю свою единственную туфлю и с помощью каблука буквально выбиваю этот гвоздь. Довольно крупный, острый, он вполне может стать оружием!

– Давай же... Есть!

Сжимаю гвоздь в руке и уже хочу было начать отрывать эту доску от окна, когда дверь моей “камеры” с грохотом открывается и в нее входит тот, от кого у меня кровь стынет в жилах.

Глава 4

Бандит заходит молча, окидывая меня прямым взглядом, а я машинально пячусь к стене, от него подальше.

Этот мужчина хищника мне напоминает. Вроде спокойный с виду, но в любой момент может растерзать когтями.

Сглатываю, но делаю еще одну попытку. Просто поговорить. Без истерик.

– Я всю ночь тут просидела. Здесь очень холодно. Вы не выпустите меня отсюда?

– Нет.

Хочется врезать ему туплей еще разок, но я сдерживаюсь. Прекрасно помню, как этот зверь вчера скрутил меня сильными руками. За секунду!

– Скажите, как вас зовут?

– Хозяин.

– Это не имя. У вас есть нормальное имя? Человеческое?

– Есть.

– Какое?

– Бесаев. Тимур.

Так... имя есть. Тимур. Это уже что-то, однако обычно же преступники скрывают это, а этот открыто сказал. Словно знает, что я никому не расскажу. Или не смогу рассказать.

– Тимур, пожалуйста! Я все отдам. Я вам заплачу, найду любые деньги, только умоляю... дайте мне уйти!

Блефую, конечно, у меня нет денег и у родителей тоже, однако сейчас я готова все ему наобещать. Лишь бы он отпустил меня быстрее.

Бандит игнорирует, вместо этого подходит ближе к перевернутым мискам. Быстро окидывает их недовольным взглядом.

– Зачем все перевернула?

– Затем, что я вам не собака. Я не буду это есть!

– Я думал, ты умнее, а ты глупая. Ты собака. Моя собака. Ты моя сука, девочка.

Я аж рот открываю от возмущения. Это так... дико просто для меня!

– Ну, знаете! Я такого обращения не потерплю. Хотите – сами ешьте из этих мисок!

Черными ботинками он наступает на перевернутые гранулы корма, смешанные с водой, после чего усмехается, а у меня слезы собираются в глазах. Не улыбка это вовсе. Какой-то оскал звериный.

Сглатываю. Во рту дико сухо. Я пить очень сильно хочу и уже жалею, что не сделала хоть один глоток, хотя... нет. Ни за что! Я не стану лакать воду из миски, как животное!

– Тогда ты вообще не будешь есть, зверек, а проголодаешься – корм все еще ждет тебя.

Он кивает на остатки корма, по которым только что прошелся, превратив их в пыль. Боже...

– Слушайте, Тимур...

Договорить я не успеваю, так как этот демон молниеносно ко мне подходит и хватается за горло, поднимая с мата и вжимая в стену. В его руках такая мощь огромная, что я даже дернуться не могу. Как ни стараюсь отбиться, вообще ничего не выходит. Он силен. Очень.

– Никогда, слышишь, никогда не смей называть меня по имени!

– Пустит... те! А-а! Пус... стите!

– Как меня зовут?

От ужаса я даже дернуться не могу. Я вижу только его глаза. Впервые так близко с ужасом смотрю в них. Серебристые, арктически холодные, обрамленные чернящими густыми ресницами. Такие красивые, завораживающие и очень-очень жестокие.

- Как меня зовут, зверек? Говори!
- Пус... стите!
- Хозяин. Меня зовут хозяин! Скажи, сука!
- Хозяин...

Мои слезы капаят ему на руку, и только тогда зверь меня отпускает.

Задыхаясь от слез и все еще чувствуя эту железную хватку на шее, я быстро отползаю от него.

Он не человек. Он просто демон какой-то. Настоящий Бес!

Вижу, как Бес разворачивается, чтобы уйти, но сама окликаю его в последний момент.

- За что... За что вы так со мной?

Бандит останавливается, но не поворачивается. Я вижу его мощную спину, понимая, что он явно отлично тренирован и сделать мне больно ему вообще не составит труда.

- За грехи твоей семьи, – бросает мрачно, не смотря на меня.

- Да за какие грехи?! У меня отец инженер, а мама учительница. Они обычные, как все!

Пытаюсь достучаться до демона. Все еще не верю. Этого быть не может. Какой-то криминал, долги, бандиты. Это все вообще не про меня.

– У меня простая семья. Я просто хочу стать музыкантом. Мои родители ничего плохого не совершили!

На это бандит разворачивается, и я жалею о том, что сказала. Он мрачнее грозовой тучи, свирепый, опасный.

– Это не твои настоящие родители, и ты никакая не Синицына. Ты Коршунова. Вспомнила? – чеканит каждое слово, и я вижу, как сильно напрягаются его плечи. Словно зверь готовится к прыжку.

- Не может быть... Я вам не верю. Это все ошибка!

- Мне не нужна твоя вера. Мне нужна ты.

Хватаюсь за ниточку. Последнюю...

– Пожалуйста, дайте хотя бы позвонить маме! Я не буду про вас говорить. Просто успокою ее. Она ведь волнуется, ей нельзя переживать.

- Нет, – басит, в голосе сталь плескается.

- Да что вы за человек-то такой?! Что с вами случилось? У вас что, совсем нет сердца?

Бес стихает, а после подходит и буквально сгребает меня за шкуру, поднимая с пола. Он держит за пальто, но ощущение такое, что за душу берет. Сжимает до боли.

Тимур... нет. Не Тимур это вовсе. Это Бес. Демон из ада. Люди не могут быть такими хладнокровными.

Встречаюсь с серебристыми глазами, и нет там ничего теплого. Сталь только одна расплавленная да серебро, увенчанное черными ресницами.

– Из-за тебя, сука, у меня ничего нет! Ты будешь искупать долг перед моей семьей, пока не сдохнешь.

После этого Бес отпускает меня, и я кулем сваливаюсь на колени.

Боже... как он смотрел на меня.

Будто я сделала ему что-то очень-очень страшное, вот только я не понимаю, что именно и откуда у этого мужчины такая лютая ненависть. Ко мне.

Глава 5

Выследить единственный помет Коршунова было несложно. Пятьсот километров, и я был уже на месте. Мамаша ее спрятала, да вот только не особо далеко. Надо было лучше прятать. От меня. На другую планету как минимум, но не думаю, что это бы помогло. Я бы и так ее нашел и забрал себе.

Она вышла на сцену и коротко поклонилась. Очень молодая, совсем еще девчонка. Шатенистые завитые волосы, фарфоровая кожа и черное платье, облепляющее ее тонкую фигурку. Красивая, точно кукла с картинки, она аж сияла вся и светилась счастьем.

Девчонка, видимо, заметила меня, так как почти сразу повернулась в мою сторону. Я узнал ее мгновенно. Фото из архива, где она была еще совсем ребенком, не подвели. Теперь же ей восемнадцать, у нее сучьи глаза. Такие же медовые, как и у папаша.

Тогда в зале я едва сдержался, чтобы не достать ствол и не застрелить ее прямо на сцене, но это было бы слишком просто. Она не заслуживала сдохнуть так скоро. Я планировал ей совсем иную участь. Ту, которую заслужила родная дочь Сергея Коршунова, – казнь.

Я искал эту девку два дня подряд, когда узнал, что этот чертов род тогда не оборвался. Наткнулся на нее совершенно случайно, просто проверяя, копаясь в старых документах. Секретных, скрываемых годами прокуратурой, в которой работал ее папаша.

Я должен был лишить Коршунову жизни при всей моей оставшейся семье, вот только дожидаться возвращения Булата не собирался. Нет. Она не заслуживает такой чести – сдохнуть сразу. Сначала она будет мучиться. Я жаждал сделать ее своей. Вещью, сукой, тенью. Чтобы видеть слезы в этих сучьих глазах. Чтобы она почувствовала на себе все то, что сделал мне ее отец, хотя для этого даже трех жизней не хватило бы.

Девчонка играла умело. Были видны техника и выдержка. Она ровно сидела на небольшом мягком пуфе, прогнув спину, тогда как я уже представлял, как она будет прогибать спину, лежа подо мной.

Точеная фигурка, хрупкая, миниатюрная – эта девочка производила впечатление какого-то неземного существа, однако я прекрасно понимал, что за этой внешностью ангела скрывается тварь. Такая же, как и ее отец, мать, все суки в ее роду.

До приезда Булата еще три недели, а это значит, что я наиграюсь с этой сучкой вдоволь. Я хотел сломать ее. Физически, морально, духовно – как, блядь, угодно. Мне.

Она играла как ангел, будто не знала, какой грех носит. Тонкими пальцами буквально летала по клавишам, заставляя весь зал замереть от восторга. И только я не был очарован ею, ведь у меня перед глазами то и дело мелькали тела. Все в крови, изрезанные, оскверненные, с застывшими от ужаса глазами и перекошенными белыми лицами.

Кровавые картинки напрочь вбились мне в мозг, и сколько трупов я ни видел после этого на войне, именно эти забыть не мог. Никогда и ни за что бы не посмел.

Я никогда не думал о мести. Она просто поселилась во мне и жила каждую минуту с того дня.

Мне было одиннадцать, когда я впервые убил человека, и этим человеком был ее отец. Сергей Коршунов. Эта тварь, которая уничтожила мою семью, и теперь, наконец, я нашел последнюю суку из их рода. Я жалел, что не знал о ее существовании раньше, так как сразу бы казнил, но теперь она тоже поплатится. За все.

Душой, телом и кровью смоем грехи своего рода перед моим.

Сука. Я так назвал ее, потому что нормального имени она больше не заслуживала. Эта девочка станет моей сукой и будет дышать, пока я буду позволять. Большого дочь Коршунова не заслуживает. Она и так жила восемнадцать лет, словно ничего не было. Словно ничего, блядь, не произошло.

В своем этом чертовом музыкальном коконе она росла, даже не представляя, что каждый день я сдыхал. Умирал из-за ее семьи, похоронив всех, кого любил.

Тогда меня сразу забрал к себе дядя. Булат мне не заменил родителей, но стал для меня кем-то вроде поводыря. Он натаскал меня, как волчару, сделав сильным, неуязвимым, тренированным и обученным. Он дал мне все, чего я хотел, а я хотел мести. Я жаждал расплаты, и Булат помогал мне в этом. Многочасовые тренировки, изнурительные до тошноты, а после война. Кровожадная, голодная, страшная, но уже тогда мне было не страшно. Тогда уже я не знал, что это такое. Булат стер все слабое во мне. Дочиста просто выгреб.

– Перестань реветь, Тимур, слышишь?

Это был первый и единственный раз, когда я ревел при нем, да и вообще чувствовал соленые слезы на языке. Тогда я ревел навзрыд, будучи на похоронах и сжимая свадебное фото родителей в руках. Я всхлипывал, как дитя, хотя, по сути, в одиннадцать лет еще им и был. Я был просто ребенком, до смерти перепуганным и резко оставшимся одним во взрослом мире, жестокость которого узнал совсем недавно.

Тогда дядя буквально вырвал фото из моих рук и крепко схватил меня. Встряхнул, словно грушу, и поднял над землей.

– Ты не умеешь быть слабым, ты Бесаев, понял?! Не смей!

Я быстро вытер слезы, чувствуя, как еще мокрое лицо обдувает ледяной ветер.

Булат орал на меня, крепко сжимая мои плечи, и тогда мне стало стыдно. За себя, за свою слабость, хотя уже в одиннадцать лет я думал, что сильный. Уже тогда я часами пропадал на тренировках и видел родных слишком мало для того, чтобы насытиться их любовью. И когда в один день я вернулся с тренировки, то больше не увидел свою семью. Я нашел только тела. Бездыханные, неживые, белые. Они все были как куклы. Сломанные, красивые, застывшие в ужасе смертного часа.

– Ты отомстишь. Я не умру, пока ты не отомстишь каждому в его роду!

И я отомстил. Думал так тогда, по крайней мере. Избитого, но все еще живого Коршунова привезли прямо ко мне уже через месяц. У него не было шанса. Его просто загнали, как пса, когда этот чертов психопат собирался пересечь границу. Дядя лично привез эту суку ко мне. Дал мне в руки заряженный пистолет и, схватив истекающего кровью Коршунова за волосы, запорошил его голову назад.

В тот момент я впервые видел человека, стоящего передо мной на коленях. Коршунов прекрасно знал, за что его поймали и что он уже не жилец, однако вместо того, чтобы рыдать и ползать у меня в ногах, он начал смеяться. Эта больная сука просто ржала мне в лицо, скаркивая кровь изо рта и описывая, как он резал мою сестру, как громко она кричала, и тогда я просто не выдержал.

Я был еще ребенком, но тогда что-то сломалось во мне, и я уже никогда не был прежним. Я перешел эту черту, сгорая от боли за отца, рыдая по матери и особенно по младшей сестре.

Я хотел его мучить, изрезать эту суку сотнями ножей, но не сдержался. Я казнил его при всех, нажав на курок. Один выстрел в лоб, и его тело упало, однако мне было этого мало. Моя боль от потери никуда не делась, и я выстрелил еще и еще. Я истратил на него всю обойму, превращая голову и грудь Коршунова в кровавое месиво, пока Булат не отобрал у меня пистолет. Это было мое первое убийство. Остальные я уже не считал. На войне они были близкими, проходящими, незапоминающимися.

Когда с Коршуновым было покончено, я рассказал об этом отцу, проведав его могилу. У этого больного уродца еще осталась жена, но зачистить ее мы не успели. Она умерла от рака до того, как мы ее нашли, иначе бы она тоже была казнена. За мою мать, которая была убита.

Единственное, чего я не знал до недавнего времени, – у них остался ребенок. Девочка. Когда Сергей вырезал всю мою семью, она уже родилась, но мать успела спрятать ее так, чтобы никто не нашел до этого момента. Она увезла ребенка и сдала в детдом, где ему тут же сменили

фамилию, да вот только правда все равно всплыла, и теперь я нашел последнюю тварь из этого чертового рода.

Асия Коршунова. Восемнадцать лет. Студентка-первокурсница. Она жила все эти годы и радовалась, пока моя семья гнила в земле. Эта сучка приняла мои цветы, улыбаясь и показывая ямочки на щеках, но улыбка быстро стерлась с ее лица, когда девочка укололась шипами, и я увидел капли крови на ее ладони. Она прикусила пухлые губы и нахмурила свое кукольное красивое лицо, тогда как мне от ее боли стало приятно, и я захотел большего, намного большего.

В тот вечер Коршунова сорвала овации. Ей все аплодировали, тогда как я мечтал увидеть ее бездыханное тело в петле. Я хотел ее смерти. Немедленной и мучительной, но понимал, что для нее будет иная судьба. Хуже, чем смерть. Она станет моей вещью, моей собственностью, игрушкой. До последнего вздоха.

Коршунова вышла одна после выступления. Никакой охраны даже близко не было, и я удивился, что Сергей не позаботился об этом. Он ведь знал, что его ребенка будут искать даже после его смерти, но ничего не сделал для его защиты.

Девочка стояла у дороги, то и дело кутаясь в пальто. Шел снег, и она ловила его пухлыми губами, улыбаясь сама себе. Она могла бы показаться мне забавной, если бы я так неистово не хотел снести ей голову за все, что сделала ее семья мне.

Поймать девчонку оказалось не сложнее, чем мотылька. Один захват и укол в шею. Все. Даже силу применять не пришлось. Она не только выглядела слабой, но и была такой. Мелкая и хрупкая. Длинные коричневые локоны создавали ощущение, что я смотрю на ожившую куклу, однако я прекрасно понимал, что скрывается за этой внешностью. Дочь от зла. В ней течет его кровь. Она и сама была злом. Необъятным, истеричным и диким, которое я должен был уничтожить за своих родных.

Я работаю чисто. Даже свидетелей нет, и уже через несколько часов привожу ее в свой город. Коршунова еще в отключке, поэтому вообще без труда спускаю ее в подвал. Легкая, почти невесомая, точно кукла, она спокойно дышит, тогда как я едва перевариваю ее присутствие рядом.

Я готовился к ее приему, забив окна досками и бросив на пол мат. Она для меня хуже собаки, просто сука, которая должна была стать моей. У нее глаза отца, и я уже ее ненавижу. Каждой фиброй, каждой своей клеткой ее не переносу.

Девочка просыпается довольно быстро, однако от препарата ее сильно водит. Ее реакция в первую ночь заторможенная, но даже тогда она успевает реветь и качать права, которых, конечно, у нее уже нет. Она смотрит на меня медовыми глазами убийцы, а я сдерживаюсь, чтобы не прибить ее раньше времени.

Особенно мне нравится, когда эта сучка корм замечает. Неженка – так бы я ее назвал. Ее пухлые губы приоткрываются от изумления, а из груди вырывается возмущенный протест. Девчонка явно росла в тепличных условиях, что было заметно просто за версту, но это меня не волнует. Напротив, так ломать ее мне будет даже приятнее, поскольку ее передергивает даже от моих слов, словно на нее никто даже голос ни разу не повышал, и мне плевать, что она там хочет. Она будет жрать этот корм, а если нет, то ничего не будет. Иного дочь Коршунова не заслуживает.

Неженка оказывается еще меньше, чем мне показалось на сцене. Восемнадцать лет, и ни дня больше. Легкая, как пушок, теплая, нежная.

Я укладываю ее на мат, откидываю длинные волосы с лица и проклиная природу за то, что сотворила эту суку такой. Идеальной.

Такая молодая, глупая и наивная. Проснувшись, девочка сразу начинает показывать характер, когда как я жажду засадить ей пулю в висок, но медлю. Я хочу сломать ее перед тем, как дать сдохнуть.

Глава 6

Ненависть. Вот что этот зверь чувствует ко мне. И нет, это не такая ненависть, которая бывает, когда чьи-то ноты без спросу берешь и играешь либо даже когда портишь концертное платье. У него ненависть ко мне совсем другая. Глубокая, пожирающая и не имеющая границ.

Я вижу это в глазах Беса и тогда впервые осознаю, что он не шутит. Каждое его слово правдиво, каждая угроза реальна, и он обязательно ее воплотит в жизнь, однако участвовать в этом аду я совсем не настроена.

Я не знаю, чем именно моя семья так обидела его род и за что можно вообще так с живым человеком обращаться, однако времени на раздумья у меня совсем нет.

Когда Бес уходит, оставляя меня одну, я тут же достаю свое единственное оружие – обычный гвоздь, который до этого выбила туфлей из доски.

Он длинный и изогнутый, где-то двенадцать сантиметров. Им невозможно убить, однако защитить себя вполне реально.

Убедившись, что за дверью нет никаких звуков, я подбегаю к тому разбитому окну и с огромным трудом, но все же открываю вторую часть доски. Я ее просто разламываю, выбиваю ногой, удивляясь тому, откуда у меня такая сила вообще берется.

Окошко оказывается совсем крошечным, однако и у меня фигура точеная. Я стройная и мелкая, поэтому для меня это вовсе не преграда.

Выбив стекло туфлей, я осторожно вылезаю наружу, оказавшись на улице.

Пальто, правда, приходится снять и оставить в подвале, так как оно слишком широкое и в нем точно не получится пролезть, но это неважно. Я уже почти на свободе. Еще немного, и этот ад прекратится.

Во дворе разносится грозный лай собак, и я опасливо оглядываюсь по сторонам. Так... если бы они просто бегали, то уже сто раз бы меня учуяли. Они закрыты в вольерах, а значит, можно идти.

Босая, я осторожно ступаю по мерзлой земле и уже успевшей покрыться ржавчиной траве.

Пальцы леденеют, так холодно, однако от нервов я этого почти не ощущаю. Мне жарко. Слишком даже, и да, о том, как мне холодно, я буду думать уже дома.

Проходит буквально пара минут, однако каждое мгновение словно кадрируется, и я запоминаю все до мельчайшей детали. Огромный дом, какой-то коттедж, большая территория, высоченный забор под три метра и ворота на автоуправлении.

Когда замечаю, что ворота эти сейчас открыты, моему удивлению нет предела. Это удача, и я не должна терять такой шанс!

Быстренько подбегаю к воротам и, убедившись, что никого нет рядом, выбегаю за территорию. В одном только платье, босая и просто ошарашенная происходящим, я едва не врезаюсь в первую же машину, которая едет мне навстречу по дороге.

Лихорадочно оглядываюсь по сторонам. Где я вообще? Какой-то поселок это или что... Это один из жильцов, он мне поможет!

– Стойте!

Я бы бросилась ему под колеса, если было бы нужно.

– Подождите. Прошу, остановите машину!

Вне себя от шока и одновременно радости от близкой помощи, я стучу ледяными ладонями по стеклу со стороны водителя, пока дверь все же не открывается. В салоне сидит мужчина. Солидный, с сединой на висках, лет сорок ему, наверное. В костюме, вполне себе приличный, похоже, ему можно доверять.

– Что случилось?

– Помогите, умоляю! Меня похитили, забрали с концерта, привезли сюда, в подвал, я едва сбежала, пожалуйста. Мои родители не знают, где я! Вызовите полицию, он там, все еще там!

– Стоп. Стоп! Не тарыхти. Я понял. Залезай в салон. До города подкину.

– Спасибо!

Вне себя от счастья, я тут же обхожу машину и останавливаюсь возле пассажирской двери. Водитель тоже выходит и учтиво открывает мне дверь, но, как только я наклоняюсь, чтобы залезть в благоухающий теплый салон, сильные руки хватают меня за талию, не давая и шанса вырваться, и тогда я понимаю, что совершила ошибку. Фатальную.

– М-м-м-м!

Закричать у меня так и не получается, потому что уже через миг этот мужчина нажимает куда-то на моей шее, и у меня все враз темнеет перед глазами.

– Тимур, ты вернулся уже?

– Да.

– Хорошо. Забрал жертву?

– Забрал.

– Отлично. Я сам хотел привезти ее тебе. Ты опередил меня, только не будь горячим. Мстить нужно с холодной головой.

– Она доживет до казни. Это все, что я могу гарантировать.

– Я наберу, как приеду. Ты отомстишь за семью. Наконец, в полной мере.

Отключаю телефон. Я не видел Булата три года и ни разу не вспоминал о нем, но все же он моя семья. Он все, что осталось. Ценное, родное, единственное.

Булат присматривал за мной в юности, но уже в шестнадцать я съехал и с тех пор почти не видел его. Единственная встреча у нас была раз в год. На кладбище. Мы поминали тех, кого убил Коршунов, и каждый год моя ненависть росла. Когда я узнал, что еще одна сука из Коршуновых все еще жива, в груди все словно жечь начало. Она не заслуживает жизни. Только страданий, которые я ей гарантированно дам.

Я обнаруживаю пропажу девчонки не сразу, а когда же понимаю, что эта тварь выбила доску и пролезла в это крошечное окно каким-то макаром, мне хочется все крушить, и ее особенности.

Тут же жалею, что не пристрелил неженку на месте. Девка оказывается еще той сукой. Настоящая Коршунова, дочь своего отца.

Звонок мобильного заставляет отвлечься. Виктор.

– Говори.

– Ты никого не терял?

Сразу понимаю, о ком он. Хорошо, что Виктор ее нашел. Он умеет держать себя в руках, в отличие от меня.

– Как нашел?

– Да она сама меня нашла. Едва под колеса не легла, так сильно помощи просила.

– Где вы?

– Заезжаем уже. Слушай, это она, да?

– Да.

Слышу треск в трубке.

– Такая молодая. Девочка же еще совсем. Жалеть не будешь?

– Нет. Заезжай давай.

Выхожу на улицу и вижу Виктора. Официально он мой телохранитель, но чаще все же просто начальник службы безопасности.

Охрана закрывает ворота. Мрачные все. Уже получили от меня за то, что не закрыли ворота и девчонка спокойно себе вышла за территорию.

Пожимаю Виктору руку, а после осматриваю салон.

– Где она?

– Отключил на время, а то уж больно нервная была. Принимай.

Виктор открывает заднюю дверь, и я достаю оттуда неженку. Бледная, босая, в одном только платье. Волосы темные разметались по голым плечам.

– Хорошая работа.

Прижимаю хрупкое тело к себе и невольно запах волос ее вдыхаю впервые. Земляника. Сладкая, мать ее, земляника. Сука. Хотя медом обмажся, ненавижу.

– Помощь нужна, Тимур?

– Нет. Иди проверь записи на всякий случай и собери охрану.

– Понял.

Спускаюсь в подвал и опять укладываю девчонку на мат. Знал же, что Коршунова она, не надо было ее недооценивать.

На полу замечаю сброшенное пальто и туфлю. Отлично. Вот, значит, чем путь себе выбивала. Сгребая в охапку эти тряпки. Они ей больше не понадобятся.

– Что вы... делаете?

О, а вот и спящая красавица проснулась.

Поворачиваюсь и вижу девчонку. Отошла уже, сидит на мате, обняв колени руками. Красивая сучка, как кукла ожившая в этом обтягивающем платье. Одна лямка спала с голого плеча и открывает вид на холмик небольшой груди.

Чувствую, как тяжелеет в паху. Не в моем вкусе такая мелкая, но все же. Она моя, а значит, будет обслуживать меня так, как я сам того захочу.

Глава 7

Я прихожу в себя в этом жутком сыром подвале и просто поверить в это не могу. Глупая. Тот человек в авто. Он не был простым жильцом. Он заодно с Бесом, он снова притащил меня прямо к зверю!

Открываю глаза и вижу Беса. Этот демон как раз подхватывает с пола мое пальто, я не выдерживаю. Кажется, что уже и так каждая клетка в моем теле скоро превратится в снежинку от холода!

– Что вы делаете?! Не забирайте мои вещи!

– У тебя больше нет ничего своего, – вскидывает на меня оценивающий взгляд, – но ты можешь меня попросить.

– Как... как попросить?

– Встань на колени и попроси. У своего хозяина.

Нервный смешок вырывается из груди. Это какой-то страшный фильм. Кто так вообще обращается с девушками?!

– Я не встану перед вами на колени никогда, ясно? Я не унижусь перед вами, и вы мне никакой не хозяин! – отвечаю ему, готовая разреветься на месте, но сдерживаюсь. Не хочу злить его еще больше и показывать свою слабость. Прекрасно вижу, как этот взрослый опасный мужчина смотрит на меня... С неприкрытой ненавистью, будто я его самый злейший враг на планете.

– Ну тогда это, зверек, – показывает мне на пальто, – тебе не так уж и нужно.

Бес берет пальто и идет на выход, а я... не знаю, что делать. Перспектива превратиться здесь в ледышку как-то не радует. На улице уже лужи замерзшие, и здесь, в подвале, не намного теплее.

– Стойте! Прошу, подождите.

Мужчина останавливается и окидывает меня пронзительным взглядом.

– Пожалуйста, не забирайте мое пальто!

– Подойди и попроси нормально.

Сжимаю зубы. Какой же он... Невыносимый!

Поднимаюсь с мата и подхожу к нему осторожно, но не очень близко. На расстояние двух шагов. Я боюсь к Бесу приближаться. Тогда аромат духов его улавливаю, которые мне нравятся, а они не могут мне нравиться, как и он!

– Пожалуйста. Верните! Это мое. Здесь очень холодно. Я заболела так.

– На колени, – чеканит грубо, властно, и у меня уже кровь закипать начинает.

– Ну почему вы такой?! Почему так обращаетесь со мной? Я же сказала. Не встану.

– Встанешь или ляжешь. Под меня. Выбери.

Я задираю голову, смотрю в его серебристые холодные глаза, и у меня мороз идет по коже. От этой наглости и самоуверенности просто спирает дыхание.

– Да вы ублюдок самодовольный, вот вы кто! Я в жизни вам не покло... – выкрикиваю, но завершить фразу не успеваю, так как в этот же миг зверь перехватывает меня за талию и привлекает к себе. Одним рывком, одним махом, точно хищник, он буквально впечатывает меня в свою широкую грудь, выбивая из меня воздух, обнимая, и я жутко пугаюсь. Его напора, жара его мощного тела, его всего!

Вскрикиваю от страха, замахиваюсь и с силой провожу по его лицу гвоздем, который все это время сжимала в ладони.

Кажется, что сердце грудь скоро проломит, и я просто не успеваю подумать! Действую чисто на инстинктах. Выжить, спастись, защищаться от зверя, но понимание ошибки приходит мгновенно.

Бес разъяренно рычит, но рук не отпускает, а я с ужасом смотрю на то, что натворила. Его суровое, но вместе с тем красивое мужественное лицо... Я его порезала. Сильно. Буквально рассекла его бровь, разрежала щеку и уголок губы этим гвоздем почти до подбородка, сделав огромный порез, из которого быстро начала выступать алая кровь, тонкими дорожками опускаясь на его бронзовую шею и грудь.

Застываю от ужаса в его руках. Даже двигаться не могу. Боже... что я наделала! Я его не просто поцарапала. Я именно разодрала кожу до мяса, нанеся глубокий рваный порез, и теперь сотворила его действительно страшным... чудовищем.

Гвоздь тут же выпадает из моей онемевшей ладони. Я точно сделала ему очень больно. Я не хотела так сильно ранить. Господи!

– Простите... – говорю это одними губами, но зверь молчит. Дышит только тяжело, глубоко и страшно. Я же как замороженная смотрю, как ручьи крови снова и снова вытекают из глубокой раны на его лице, пропитывая его белую рубашку, и цепенею, когда Бес глаза свои серебристые поднимает, а в них смерть плескается. Черная, дикая и свирепая, как и его сердце.

– Я... я не хотела. Простите, – шепчу ему едва слышно, но Бес не реагирует на мои слова. Совсем.

Мужчина отпускает меня, и я с ужасом вижу, как он руку к лицу подносит, кровь ладонью вытирает и... усмехается, точно дикий волк, видя кровавые разводы на пальцах, показывая белые зубы с острыми клыками.

– Так и знал, что ты такая же.

– Нет... А-ах!

Все случается так быстро, что я не успеваю даже среагировать.

Глаза Беса из спокойных серебристых становятся темно-серыми. В один миг зверь буквально подхватывает меня за талию, с легкостью отрывает от пола и тащит на мат, укладывая меня на живот, точно куклу. Жестко, больно, просто на разрыв аорты.

Глава 8

– А-а-а-а, что вы делаете, нет! – вскрикиваю, когда в тот же миг этот зверь наваливается на меня сзади, буквально вжимая в мат своим мощным телом. – Не надо! Прошу, пустите... Простите! Я не хотела делать вам больно!

– Хотела, все ты хотела.

– Мне страшно! Тимур, пожалуйста...

И теперь я уже серьезно пугаюсь его. Очень сильно, до онемения пальцев на руках.

Слезы горошинами катятся из глаз. Мне страшно, но зверь даже не думает меня отпустить, и совсем скоро я слышу жуткий треск своего платья. Он разорвал его одним рывком со спины, превратив еще вчера красивый блестящий наряд вместе с моим бюстгалтером в горсть тряпок, которые тут же откинул в сторону.

По спине сразу же проходит холод, и я словно бы застываю, когда слышу его хриплое дыхание сзади. Медленное, ледяное, звериное.

Вздрагиваю, когда голой кожей ощущаю горячую ладонь на спине. Откинув мои волосы, Бес проводит ею от моей шеи по позвоночнику до самой поясницы, опалая каждую клетку огнем своего прикосновения, и я с ужасом понимаю, что он не отпустит.

Этот монстр придавливает меня своим телом, поэтому, как я ни стараюсь ерзать, у меня вообще не получается. Он тяжелый, и по комплектации я буду раза так в три точно его меньше. Ощущение такое, будто меня бетонной плитой придавили, и у меня нет ни шанса на спасение, ни одного.

Я замираю, когда мужчина ставит сильные руки по обе стороны от меня, наклоняется к моему уху и обдает его жаром дыхания, от которого у меня кровь стынет в жилах.

– Никогда не называй меня по имени, Коршунова! Запомни, для тебя я хозяин.

Я не успеваю прийти в себя, так как сразу после этого что-то трещит. Я не вижу, что именно, но чувствую, и понимание того, что только что это были мои трусики, меня просто доводит до края.

Как маленькая смерть, только хуже. Он еще хуже. В миллион раз, и я ошибалась, когда думала, что это человек. Нет, это чудовище, страшный дикий зверь.

Он раскладывает меня под себя, как куклу, так как от страха я почти не сопротивляюсь. Оказавшись под ним, я почему-то не могу кричать, от ужаса я почти ничего не могу сделать. Могу только запах его улавливать и ненавидеть себя за то, что этот запах мне мог понравиться, как и облик этого монстра.

Коленом Бес с легкостью разводит мне ноги, а после раздается какое-то металлическое шуршание. Кажется, он расстегивает ремень, а у меня создается стойкое ощущение, что это все нереально. Этого просто не может происходить со мной. Нельзя так, невозможно, я же живой человек, но это правда.

Я вся словно цепенею, в камень превращаюсь, и все, что могу, – пытаться вырваться. Кажется, я верчусь как уж, но это только мое ощущение. На самом деле Бес крепко зафиксировал меня, и, когда он перехватывает обе мои руки одной своей, не давая вообще возможности двигаться, вот тут уже я срываюсь. Я начинаю реветь. В голос. От ужаса, от неприятия того, что человек вообще может быть таким... жестоким.

– Не надо... прошу. Вы же тоже человек, не делайте!

Мое лицо все мокрое от слез, и я почти не чувствую пальцев рук. Они почему-то занемели, и я ощущаю только невероятно сильное давление сзади. Я полностью голая перед ним. Впервые обнажена перед мужчиной, хотя он больше похож на зверя.

Я умоляю его, но Бес не слышит. Он не хочет слышать и не станет. Удерживая обе мои руки в одной своей, вторую он опускает вниз и касается меня там, где еще ни один мужчина не касался, провоцируя у меня еще больше слез.

Холодно, жестко, грязно, Бес проводит пальцами по нежным складочкам, заставляя мое тело просто трепетать от дикого ужаса.

Он меня накажет, накажет... Он уже это делает, и вскоре я громко вскрикиваю, когда чувствую, как там, внизу, в меня толкается что-то большое и горячее, очень твердое.

– А-а-а-ай!

Раньше я не знала, что такое боль. Настоящая. Такой боли я еще не ощущала. Жгучая, острая, такая сильная! Она пронизывает каждую мою клетку и распаляется адским костром, когда Бес таранит мое тело своим членом. Быстро, жестко, сначала упираясь во что-то, а после... разрывая, заполняя до упора.

Я не могу двигаться. Я вообще ничего не могу. Лежа в этой унижительной позе, абсолютно голая под ним, с широко разведенными бедрами и теперь уже оскверненная, я могу лишь дышать. Рвано, судорожно хватая ртом воздух каждый раз, когда Бес берет меня сзади.

Он очень большой и двигается... сильно, зажав меня в своих руках, вдавливая в этот холодный мат без капли ласки, и кажется, я скоро умру. От его жестоких толчков во мне. От этой боли и понимания, что мой первый раз с женщиной не случился. Он произошел со зверем, желающим мне смерти.

Постепенно Бес начинает дышать быстрее, рычать даже, и с силой перехватывает меня за талию. Больше он не держит за руки, так как я не вырываюсь. Незачем. Я неровня ему по силам, даже близко не стояла. Он такой тяжелый, а у меня нет больше сил, и жизни тоже нет. Он последнюю выпил, все, что было, забрал себе.

Глава 9

Когда увидел кровь на руках, во мне что-то переключилось. Эта девка держала окровавленный гвоздь в ладони и смотрела на меня отцовскими глазами. Идентичными просто, и не хватало только его коронной усмешки, чтобы я на все, сука, двести процентов увидел в этой девчонке Коршунова.

Она знатно рассекла мне рожу, однако никакой боли я не ощутил. Азарт только и желание мести. Такой, какую заслуживает весь ее гребанный род, который надо было еще при рождении зачистить.

Кровь быстро выступила из раны, она опускалась по шее горячими ручьями, пропитывая рубашку, и тогда я захотел ее крови. Ее, сука, боли мне было мало, и я пожелал большего.

Девчонка выронила этот ржавый гвоздь, однако было уже поздно. Я видел, как быстро поднимается ее грудная клетка. Как пульсирует вена на шее и как блестят эти медовые глазища в пол-лица. От страха.

В штанах потяжелело, и я не стал себе отказывать. Ни в чем. Она моя теперь и будет давать мне то, что я пожелаю, а пожелал я ее. Себе. Полностью.

Коршунова оказалась предельно слабой, и я за секунду уложил ее на мат. Лицом от себя. Не хотел снова видеть эти ненавистные мне глаза. Я хотел ее красивое тело себе. Жестко, грязно и больно. Для нее, конечно, и специально делал для этого все. Чтобы ей было больнее, чтобы она пропиталась сполна этой чертовой болью, переполняющей самого меня.

Разорвав на ней платье, я увидел бархатную кожу. Молочную, нежную, без единого изъяна.

Руки сами потянулись к ней. Тонкая шея, выпирающие лопатки, красивый изгиб спины, осиная талия и округлая задница. Стройные ножки – и ни намек на лишний вес. Идеальная, мягкая, хрупкая. Эта сучка была просто создана для секса, и каким же было мое удивление, когда я понял, что она еще не тронута. Девочка еще самая настоящая, девственница, блядь! Узкая щель с трудом меня приняла, и она заорала, точно я ее убивал, когда я разорвал ее преграду одним мощным толчком.

Это была хреновая идея – трахнуть ее здесь вот так, жестко взять, но остановиться я уже не мог. Я хотел ее. До боли, до искр из глаз, и брал свое по праву! Она по крови мне должна и кровью будет смывать грехи своего рода.

Я жаждал ее тела долго, никак не мог им насытиться, однако Коршунова так сильно выла подо мной, что это был не секс, а одно мучение только, поэтому я кончил уже через несколько минут, испытав зашибенный дикий оргазм с ней. Сучка была очень тугой и шикарно обхватывала член. Она вся, блядь, была идеальной, как бы я ни хотел это отрицать.

Сначала девочка упиралась и ревела, однако потом, когда я вошел в нее и начал трахать, затихла, и я увидел, как она просто намертво вцепилась побелевшими пальцами в мат. Я же ускорил толчки, чтобы быстрее кончить, провоцируя у нее от этого какие-то судорожные стоны, но не думаю, что это было от удовольствия. От боли, конечно, скорее.

Я не кончил в нее, вытащил машинально, так как не мог допустить, чтобы дочь Коршунова еще и понесла от меня. Вынув из нее член, я увидел кровавые разводы на нем и ее бедрах. Точно девственница, ошибки быть не может. Странно даже, как она с такой фигурой нетронутой была, хотя так даже лучше. Мне нравится чистая игрушка, которую я сам буду ломать до казни.

Поднявшись с девчонки, я быстро застегнул джинсы и рубашку, которая к тому моменту уже изрядно пропиталась кровью. Щека начала дико жечь. Отлично, наконец-то я хоть что-то чувствую.

Внутри у меня все горело. Я не мог понять, как эта неженка вообще может быть его дочерью. Как, блядь, такая девочка может быть отродьем больной суки, вырезавшей всю мою семью? Может. Еще как. Одни ее глаза отцовские только чего стоят. Она его дочь, родная!

Я подошел к шкафу и достал ошейник. Она должна знать свое место и больше не пытаться на меня бросаться.

– Вставай, – бросил девочке, но она не отреагировала, хотя точно была в сознании. Я видел это по тому, как она поджала под себя ноги и повернулась на бок, закрыв лицо руками.

От моего голоса сучка зашевелилась, но не поднялась. Слышал только, что ревет. Ее голые плечи содрогались, а лицо она скрыла за ладонями и длинными волосами, и тогда я не выдержал.

Подошел к ней и за руку взял, повернул, отчего она громко взвыла.

Я не видел ее еще такой. Ее всю просто дико колотило. Девчонка дышала судорожно, рвано и совсем не смотрела меня. Руками только грудь голую прикрывала и дрожала. Сильно.

– Успокойся.

Не подействовало. Она рыдала взхлеб просто, что быстро вывело меня из себя. Я не был еще в такой дерьмовой ситуации. Блядь, она слишком молодая. Слишком нежная, как цветок, который я сорвал себе.

– Перестань реветь, я сказал! – гаркнул на нее, и наконец мотылек заткнулась. Точнее, просто приложила ладонь ко рту, заглушая глухие судорожные рыдания, невольно продолжающие вырываться из ее груди.

Блядь. Это все мне не нравилось. Лучше бы я пристрелил ее сразу. Не пришлось бы теперь возиться.

Я взял ошейник и посадил девочку, но ее аж подкидывало, и мне пришлось ее удерживать за плечо, чтобы она не падала назад.

– Не н... надо. Не над... до, – она шептала это постоянно, мешая мне, но все же была слишком слабой. Я даже силу не применял. Девочка почти не двигалась.

Сжал металлический ошейник, откинул ее волосы и надел его на голую шею мотылька. Соединил с цепью, которую закрепил в стене, после чего бросил ее обратно на мат. Она не упиралась больше и просто упала на него, как сломанная кукла. Девчонка выглядела потерянной и совсем не смотрела на меня.

Я оставил ее в подвале и поднялся в дом.

В тот момент я ничего не чувствовал, кроме желания мести, и, если честно, я хотел ее просто добить тогда, но понимал, что рано. Девчонка будет казнена тогда, когда я посчитаю нужным.

Глава 10

Я думала, что после того, как он... сделал мне больно, мой ад закончился, но нет. Это было лишь начало, и металлический звон цепи только подтвердил это. Это все было настолько живым и реальным, что в том, что это все на самом деле происходит, я больше не сомневалась.

Бес взял меня за руку и поднял с мата. Голова закружилась, но я была в сознании. К сожалению. Между ног саднило, и еще сильно болел низ живота, но хуже всего – это он. Зверь не уходил никуда, и я не понимала, что еще он может у меня отнять. Оказалось, может, и даже больше.

Зря я тогда назвала его по имени, ведь это не человек. Не может быть человек настолько жестоким и холодным. А он может. Как кусок айсберга. Ледяной, непробиваемый и бессердечный.

Ему было плевать на мои слезы и мольбы. Единственное, на что ему было не плевать, – мое существование. Он хотел, чтобы я умерла, а не просто закрыла глаза. Он жаждал, чтобы мне было больно. Чтобы я купалась в этой боли и умирала в агонии. Я видела этого по его взгляду, жестам, словам. Каждой клеткой монстр желал, чтобы я страдала, и делал для этого все, что было необходимо.

Я вскрикнула, когда Бес поднял меня, и его прикосновение пламенем обожгло меня до костей. Я хотела посмотреть ему в глаза после того, что он сделал со мной, но не смогла. Теперь почему-то я боялась смотреть на него, боялась спровоцировать снова.

Только когда Бес надел на мою шею какую-то холодную шутку, а после присоединил к ней цепь, я поняла, что он меня привязал. Как собачонку, посадил на цепь, и теперь о свободе я могу только мечтать.

Глупая. Надо было этим гвоздем ему не по лицу провести, а в сердце сразу засадить. Тогда, может, было бы лучше, однако теперь даже этого шанса у меня нет. Монстр. Он был настоящим монстром, чудовищем, которое хотело только одного – моей боли. Постоянной, дикой, сильной. Такой же, какая была у него. Я видела это. У него словно что-то сильно болело, и он с радостью вымещал это на мне.

Монстр забрал гвоздь, когда выходил из подвала, вместе с моим пальто, поэтому на полу остались лежать только ошметки моей одежды. Белье и платье, но они были слишком далеко от меня, да и толку от них больше не было. Эти тряпки больше не могли меня согреть от холодного пространства подвала.

Я не помню, сколько я просидела на том мате совершенно голая. Как ни странно, очень холодно мне не было. Я часто дышала, хватая ртом воздух. Сначала все плыло от моих слез, но после я вроде успокоилась. Даже не всхлипывала, и мне стало лучше.

Жжение между ног быстро прошло, и я видела только засохшую кровь на бедрах. В тот момент я не понимала только одного: почему он не убил меня? Зачем мучает? И самое страшное – неужели теперь это будет со мной каждый раз? Он не любил меня, как мужчина может любить женщину в близости. Ни на один микрон. Как я мечтала, что у меня будет нежный первый раз с женщиной, но нет. Ничего такого не было. Бес не целовал меня, не гладил, не ласкал. Он просто использовал мое тело. Как грязную куклу, которую можно брать, когда и как хочется.

Его движения были резкими, и мне было больно, пусть даже эта боль под конец и притупилась. Все равно и эта боль, и его холод проникли ядом в каждую мою клетку, запомнились, обжигая меня изнутри.

В какой-то момент я словно бы пришла в себя, очнулась и резко подалась вперед. Мне вдруг показалось странным, что я здесь сижу и просто мерзну. Зачем, ведь дома меня ждут родители. И вообще, у меня гора учебы! Что я здесь делаю, это же неправильно все, ведь так?

Я поднялась на ноги и, немного пошатываясь, сделала первый шаг. Цепь зазвенела, но я все еще была свободной.

Ощувив возможность побега, я со всей силы ринулась вперед, однако на шее словно клешни сдавились, и я быстро упала на пол. Жесткий металлический ошейник не дал больше сдвинуться с места, а кожу обдало огнем. Он был таким холодным и все время раздражал кожу.

Воздуха стало мало. Меня привязали. Посадили на цепь, Ася, очнись!!!

В голове словно мед перемешали, и я все никак не могла успокоиться. То и дело начинала плакать снова, почему-то маму звала. Глупая, думала, что она меня тут найдет, но она не приходила. Никто не приходил.

На улице быстро стало темно, а после и вовсе наступила черная бесовская ночь. Худшая в моей жизни.

Я ничего не ела, поэтому мне не хотелось в туалет, однако жажду я все же испытывала и чисто на ощупь в этой темноте нашла те самые металлические миски. Если еще вчера я брезговала наклоняться и лакать воду из миски, как животное, то сегодня я уже не так критична. Жажда хуже голода. И я бы уже попила воды из миски, как котенок. Лишь бы утолить жажду, как бы это ужасно ни выглядело.

В одной из этих мисок должна была быть вода, однако она оказалась перевернутой. Мною. Мокрая лужа ясно свидетельствовала о том, что никакой воды я не получаю.

Тогда я подлезла к стене и поджала под себя ноги. Они были такими холодными, что, как я их ни обнимала руками, все равно согреться не получалось.

Кажется, я просила выпустить меня. Долго, громко, периодически отключаясь, но никто не приходил. В какие-то моменты мне становилось очень холодно. Так, что дрожали руки и все тело, однако после я все чаще испытывала жару и была даже рада, что сижу голая. Мне было так жарко, словно кто-то включил на всю мощность обогреватель, хотя я отлично понимала, что это и близко не так.

Бес будет только рад, если я умру сегодня, и, кажется, я была уже не против.

Внезапно что-то в окне зашуршало, и я увидела тени. Ветки деревьев били в забитое решетками окно. Шумел ветер, и при каждом моем движении звенели цепи.

Я приложила руку к ошейнику и постаралась его снять, но ничего не получилось. Он словно металлическими клешнями сковывал мою шею.

В какой-то момент мне стало казаться, что это не ошейник на мне, а руки тени, которые сдавливают мое горло. Была ли это тень или сам Бес, я не понимала.

Я стала кашлять и почувствовала, что в груди у меня очень быстро бьется сердце. Впервые так сильно, разрываясь в клочья.

Я задыхалась. Тень словно душила меня. Снова и снова, и, как я ни старалась убрать от себя его руки, он не отпускал.

Тогда же я испытала какой-то зуд в шее, который начал быстро расходиться к плечам и груди. Я была грязной, я это прямо чувствовала, и мне очень хотелось стереть это все с себя, убрать боль. Мне вдруг показалось, что от крови и земли моя кожа сильно чешется. Так сильно, что не чесать себя я уже не могла... Я должна была ее стереть, убрать с себя. В то же время я хотела сбросить руки тени с себя, смыть эту грязь с тела, но у меня ничего не получалось, как я ни старалась.

– Хватит... Отпусти! А-а-а! – я прокричала это тени, которая душила меня, но и тогда она не отпустила. Я же продолжила кричать, задыхаться и тянуть этот ошейник, пытаюсь снять его с себя, пока в какой-то момент просто не потеряла сознание.

Глава 11

– Тимур, все нормально? Я слышал крики из подвала.

Окинув меня удивленным взглядом, Виктор недовольно покачал головой, и я прекрасно понимал, к чему он клонит.

– Живая еще, если тебе это интересно.

Начальник службы безопасности отвел глаза, а я усмехнулся.

– Ну, иди и оближи ее, раз так понравилась!

– Это не мое дело.

– Вот именно, не твое! А значит, не лезь, куда тебя не просят.

Я вытер кровь с подбородка, которая уже давно капала на пол. Черт возьми! Как она вообще тот гвоздь выковыряла? С виду слабая, а на деле, оказывается, ни черта. Хватка та еще. Как у папашки.

– Это... может, врача вызвать? У тебя хреновый вид. Зашить бы эту, гм, красоту.

– Не надо врача, сам справлюсь.

Обхожу Виктора, видя, что оставляю за собой дорожку крови. Странно, когда трахал девчонку, вообще боли не было, а теперь аж скулы сводит. Чертов гвоздь. Видимо, все же глубоко рожу порезала. Выкидываю его и иду в ванную.

Действительно, красота. Гуинплен, блядь, отдыхает. Тут Коршунова похлеще даже нарисовала.

Через все лицо рана рваная. Бровь на хрен рассекла, всю скулу до подбородка, уголок губы. Все же не слабая она. Есть сила в руках, дурная, правда. Надо было в шею сразу мне целиться. Толку было бы больше, а так... взбесила только.

Плескаю в лицо холодную воду, после чего беру полотенце, бинты, нитки.

Зашивал себя и других уже не раз, однако рожу себе, конечно, впервые чиню. Накладываю швы на бровь и немного на щеку. Остальное и так затянется как собаке.

Неплохо сучка постаралась, вот только неумело целилась, так как совсем не умеет защищать себя. Как с котенком с ней придется возиться, до чего же слабая физически. Пианистка, блядь.

Уже через час я уезжаю из дома и возвращаюсь только ночью. Спать не хочется, поэтому наливаю коньяк в стакан, делаю пару глотков. Горло обжигает, но совсем не берет, да и я не любитель.

На улице ночь, скоро светать начнет, я так и не ложусь. Девчонка эта из подвала у меня не выходит из башки ни на секунду. Как она кричала подо мной, будто я ее, блядь, убивал. Обычно бабы стонут подо мной, а эта... просто в голос ревела. С надрывом, выла, как раненый зверь, хотя от девственницы салюта я и не ожидал, но все равно ей все же было больно. Я видел это, да и она была сухой.

Сладкое тело неженки было мягким, хоть и абсолютно деревянным. Даже сексом это назвать нельзя. В сексе хоть бабы стонут от кайфа, и дважды просить мне никогда не приходится. На хуй сами запрыгивают, но только не эта... Эту же девчонку я просто выебал, при этом даже не получив ни хрена. Удовольствие только оттого, что больно ей было. Тут даже без вариантов с моим-то размером, однако почему я не добил ее? Хотел же, но нет. Рано. Еще придет ее час.

Я сижу у камина до шести утра, пока мой взгляд не падает на ее пальто, брошенное на пол у кресла. На улице минус два, а значит, что в подвале ничуть не больше.

Я смотрю на острые языки пламени, слышу хруст костра, но перед глазами она. Голая, такая красивая и нежная, дрожащая, скулящая подо мной так, как будто я ее не трахал, а,

блядь, резал ножом просто. Было видно, что эта девчонка ни разу еще с мужиком не была, и ее просто трясло подо мной. От ужаса.

Когда смотрю на пламя, картинки воспоминаний начинают сменяться, и я отчетливо вижу кадры сестры, а точнее, того, что от нее осталось, и злость снова подкатывает к горлу. Совсем еще ребенок. Она даже в школу не успела пойти, она, блядь, даже не жила!

Не забуду. Никогда не забуду того, что сделал моей семье род Коршуновых!

Я достаю ствол и проверяю обойму. Полная.

Отлично. Пришла пора проведать мою добычу.

Открываю дверь подвала и быстро нахожу ее взглядом. Девчонка абсолютно голая лежит на мате. Лицом к стене. Ноги к себе подтянула. Копна волос завитыми локонами рассыпалась по спине, плечам и прикрывает лицо. Кукла, блядь. Фарфоровая.

Цепь не натянута, но вижу, что вставала она, по крошкам корма. Обе миски опрокинуты.

– Ты должна вставать, когда я захожу.

Никакой реакции. Вообще ноль. Так и лежит, отвернувшись к стене. Упрямая. Отцовский, сука, характер пробивается уже.

Сжимаю зубы и подхожу ближе.

– Ты слышишь меня? Встань!

Не реагирует, и я теряю терпение.

Наклоняюсь, за плечо ее беру, на спину поворачиваю и тут же охреневаю.

Мало того, что неженка холодная как лед, так еще и в крови. Вся!

Когда уходил, не было такого точно. Блядь.

Быстро осматриваю девчонку. Длинные царапины на руках, животе и особенно на шее. Словно сама она себя драла ногтями. Сильно, старалась, сука, вот только на хрена, спрашивается?

– Кукла!

Трясу ее, но Коршунова не шевелится. Цепь только звенит, раздражая меня вконец.

Прикладываю два пальца к ее артерии на шее. Живая. Стучит, просто медленно как-то. Слишком медленно. То ли спит, то ли без сознания. Сука. Хрен поймешь ее.

– Просыпайся! Давай же. Черт!

Не открывает кукла глаз. Ресницы длинные только темные тени отдают. Губы пухлые сухие и белые, как у мертвеца.

Трогаю ее лоб. Горит. Приехали.

Кукла тут перемерзла на хрен, похоже. Я не вернул ей пальто, не подумал об этом, черт возьми. Я просто ее оставил здесь на ночь. Она замерзла тут, сильно.

Взгляд невольно падает на ее голую грудь. Даже не обратил внимания вчера, так как прикрывалась все время. Красивая, полная, но маленькая. Соски розовые, острые, сжавшиеся от холода, как бутоны.

Глаза ниже опускаю и впалый живот замечаю, голую промежность и разводы крови на ее бедрах. Моя работа. Это уже я постарался. Сжимаю зубы.

– Приди в себя, слышишь меня?

Хлопаю куклу по щекам. Чертовски бледная, холодная. Ледяная просто.

Рычу на нее, и тогда девка все же медленно открывает глаза. Затуманенные, словно поволокой окутанные, красные от слез.

Не орет, но и не говорит. Когда меня замечает, из горла свист какой-то вырывается, губы открывает, хватая воздух, а после руки тянет к шее, начиная снова раздирать кожу ногтями. Сильно, сразу же оставляя на себе новые царапины. До крови. До мяса.

– Нет. Перестань!

Не реагирует. Потерянная какая-то, как будто за ночь мозгами тронулась. Бледная вся, трясется, но, главное, больше не ревет. Застыла вся, как меня увидела.

Шок у нее или что? Да, похоже на то.

– Блядь, да что ты делаешь?!

Перехватываю ее руки, когда неженка снова тянет за свой ошейник. С силой, раздирая и без того красную шею в кровь, до порезов просто.

От моего прикосновения сразу замирает. Глаза медовые закрывает. Не дышит даже, а я не понимаю, какого черта теряю на нее свое время!

Провожу пальцами по ранам на ее шее. Тут особенно хреново выглядят. Точно кошка дикая, разодрала себя. Кровь всю шею залила, пропитав волосы и окрасив ошейник красным.

Достаю пистолет. Это правильное решение. Один выстрел, и Коршунова уже подохнет, наконец, но сразу отмечаю эту затею.

Казнь не может быть при мне одним только. Вся семья должна быть в сборе, а это значит, что как минимум без Булата она не умрет.

Но хуже другое: в таком состоянии девчонка его не дождется. Она умрет раньше. От заражения крови, переохлаждения или лихорадки.

– Иди сюда.

Откидываю эту копну волос с молочной шеи и снимаю с нее ошейник. Беру куклу на руки, прижимая к себе, точно льдинку.

Она молчит. Не ревет, не упирается. Кажется, отключилась снова.

Легкая. Невесомая почти, точно как мотылек. Сломанный теперь. Мною, конечно. Я снимаю пиджак, закутываю ее в него и, прижимая голую девчонку к себе, выношу ее из подавала.

– Не смей подышать мне тут! Ты умрешь тогда, когда я решу.

Виктор встречает меня в коридоре, отчего я машинально сильнее прижимаю девчонку к себе. Хотя она и в моем пиджаке, у нее открыты голые ноги, а мне как-то не вставляет, чтобы еще кто-то пялился на нее, кроме меня.

– Умерла уже? – спрашивает прямо, даже как-то упрекающе, сложив руки в карманы, отчего я почему-то беситься начинаю.

– Нет. Таблетки неси. Быстро!

– Зачем?

Слышу в его голове удивление. Кажется, Виктор уже забыл, кто на кого работает, но все же быстро вспоминает по одному только моему взгляду.

– Ну, то есть смысл какой? Ты вон и так... гм, я вижу, постарался на славу. Пристрелил бы уже и забыл, раз она жертва.

– Именно, что жертва и должна от казни умереть, а не от температуры сдохнуть. Неси таблетки, я сказал, и цепь подними сюда из подвала!

Виктор понятиливо кивает и скрывается, а я отношу девчонку в комнату. К себе. Здесь тоже есть батарея, и ее можно с легкостью пристегнуть тут, вот только для начала надо разобраться с ее ранами, которых эта кошка дикая себе изрядно нанесла.

Подхожу к кровати и укладываю Коршунову на нее прямо поверх покрывала. Пиджак задирается, открывая вид на голые ноги, часть живота и груди. Красивая, блядь, почему ты такая красивая?!

Член тут же дергается от этого вида, но я посылаю его куда подальше. Ее сейчас все равно что труп трахать, уж точно не больше радости будет.

Окидываю девчонку взглядом. Все еще в отключке. Глаза прикрыла. Дышит поверхностно и тяжело. Черт.

Ей нужна помощь, не то сдохнет раньше времени. Срочно.

Глава 12

Открываю глаза от запаха. Его запаха, который горечью отбивается в каждой клетке моего тела. Я думала, что ночью тень заберет меня, но нет. Я лежу на чем-то мягком, а когда голову поднимаю, вижу его. Бес. Он стоит так близко, отчего мое тело тут же пронзает боль. От одного только его присутствия.

Тут же сжимаюсь вся и едва не сваливаюсь с кровати, но сильные мужские руки не дают мне ни шанса. Он снова. Снова сделает это!

Точно раненый зверь, я не могу себя контролировать. Из груди вырывается крик, но кричать сил нет, поэтому получается какой-то писк, затравленное шипение.

– Тихо. Не дергайся. Тихо, я сказал! – кто-то кричит.

Не понимаю, что происходит, пока Бес не ловит меня и обратно не укладывает на постель, а у меня от прикосновения его рук словно воздух перекрывают.

– Ай... Н... нет! Не н... надо.

Не узнаю свой голос. Я что, начала заикаться? Что такое...

Опускаю глаза, и, когда вижу, что я голая перед ним, только в каком-то огромном пиджаке, мне становится плохо. На физическом уровне, так как на моральном он уже довел меня до края.

Перед глазами все плывет, и руки почему-то снова немеют, но легкая пощечина по лицу быстро приводит меня в чувство. Мне не больно, но я аж дергаюсь от неожиданности и страха.

– На меня смотри! На. Меня.

Мои плечи обхватывают огромные сильные руки, и я застываю. В тихом ужасе перед ним.

Щека горит от пощечины. Меня в жизни никто не бил. Мне никогда не делали так больно. Как делает Он.

– Открой рот.

Бес руку ко мне свою подносит, и я невольно назад откидываюсь. Я боюсь его. Впервые в жизни я так сильно кого-то опасуюсь. Как зверя, дикое животное, которое сейчас откусит мне голову, разорвет на части, сломает кости.

– Не н... надо!

– Открыла рот. Быстро! Пей.

Бес не церемонится. Сильными пальцами он нажимает мне на скулы и буквально заталкивает мне в рот какие-то таблетки, после чего подносит стакан с водой к губам. Делаю пару глотков, чтобы не подавиться. Я очень хочу пить, но вместе с тем таблетки тоже проглатываю, и только тогда он перестает удерживать мое лицо в своей ладони.

– Что это, яд? Уб-бьешь т-теперь?

Говорить сложно. Словно каждое слово выдавливаю из себя. Не могу произносить фразы полностью. Запинаюсь на каждом слове, заикаюсь и, что хуже всего, ничего не могу с этим сделать.

Бес не отвечает. Вижу только, что смотрит на меня так... невыносимо просто. Как на что-то низкое, не имеющее права на жизнь.

Поднимаю взгляд на этого мужчину, и слезы собираются в глазах. Статный, большой, дикий, но страшнее всего его лицо. Еще недавно он мог бы показаться мне очень красивым, а теперь его лицо все в швах. В жутких шрамах, которые расплываются у меня перед глазами от слез и горечи.

Это я. Так сильно ранила Беса. Впервые в жизни ранила человека, хотя сомневаюсь, что он человек. У него нет сердца. Там камень один черный, холодный.

Хочу было подняться, но огромная рука ложится мне на плечо, задевая грудь, и я всхлипываю. Не могу. Не могу, чтобы он прикасался ко мне!

- Не-ет! Не надо-о-о!
– Лежи. Спокойно. Не дергайся.

Почему-то зверь на часы смотрит, и вскоре я чувствую, как моя голова тяжелеет и шея больше не так адски жжет.

Сквозь затуманенные мысли я понимаю, что в тех таблетках было несколько препаратов, которые расслабили меня и сделали... совсем беспомощной!

Я больше не плачу. Не могу просто. Мне немного хочется спать, а еще мне жарко. Очень сильно, хотя я все еще почти не чувствую пальцев ног от холода.

Прикрываю глаза от страха, когда зверь откидывает мои волосы с голых плеч и зачем-то снимает с меня пиджак, внимательно осматривая шею.

Я хочу, но не могу больше сопротивляться. Он этими таблетками подчинил мое тело себе. Как заторможенная стала, еще более уязвимая.

Теперь я лежу абсолютно голая перед ним. До Беса меня еще ни один мужчина нагой не видел, и все, что я сейчас могу, – поднять руки, чтобы прикрыть грудь. Не хочу, чтобы смотрел. Мне больно, когда смотрит.

Я не могу даже кричать, когда в следующий миг Бес поднимает меня на руки и куда-то несет. Ванна. Он укладывает меня в нее, и через секунду теплая вода брызгает мне на тело, но звать на помощь я не могу. Как онемела вся. Я хочу спать. Что он мне затолкал в рот?! Боже, как же сильно я хочу спать.

Все происходит как в тумане. Наверное, этот демон притащил меня сюда, чтобы утопить. Как ненужного котенка, лишит жизни, и я все жду, когда он это сделает, но вместо этого улавливаю запах мужского геля для душа.

Не могу открыть глаза от слабости и страха, но чувствую, как горячие руки касаются моего тела. Проводят по животу, бедрам, груди. Не больно. Странно... Почему он снова не делает больно? Он ведь хочет этого больше всего на свете. Чтобы я купалась в этой боли. Его безумной боли.

Сжимаюсь вся, прикрываю глаза. Где касается, там и болит. Везде болит, жжет прямо до мяса. Я его ненавижу. До этого я не знала, что такое ненависть. Не понимала такого, а теперь знаю. Бес показал мне это сполна.

Мои волосы тоже мокрые почему-то. Стекает по ним теплая вода. Дергаюсь, как только ладонь его на лице ощущаю. Думаю, что ударит, но нет. Кажется, зверь просто проводит по коже, словно... умывая меня.

Мне так страшно, но сил отбиваться нет. Совсем. Зачем он меня купает? Хочет, чтобы я умерла чистой? Не знаю, я уже ничего не понимаю.

Еще миг, и Бес поднимает меня на руки, закутывает в полотенце и выносит из ванной. Не упираюсь. Не могу просто. Чувствую только, как чудовище укладывает меня на кровать. У него даже дыхание не сбивается. Холоден и сосредоточен, спокоен, как дикое животное.

После воды все мое тело почему-то щиплет, словно меня исцарапала сотня диких кошек. Особенно шея жжет, как будто там и вовсе кожи не осталось.

– Больн... но.

Бес не реагирует, а у меня уже совсем слипаются глаза от слабости и, кажется, таблеток, которые он мне затолкал в рот.

Вскоре чувствую, как на меня ложится что-то тяжелое и теплое. Одеяло. Он почему-то укрыл меня им.

Я хочу повернуться на бок, но не способна. Встать тоже не могу, но слышу его. Монстр рядом.

Последнее, что помню, – как Бес поднимает мой подбородок и откидывает мокрые волосы, оголяя шею.

Он держит что-то в руке. Не пойму, что именно. Не вижу, так как глаза уже очень сложно открывать, словно на них высыпали ведро песка, но, кажется, он держит нож.

Что-то щелкает совсем рядом с шеей, что-то холодное и мокрое, жгущее касается израненной кожи, но терпеть это мой разум отказывается, и я наконец отключаюсь.

Ее разобрало даже быстрее, чем должно было, а точнее, просто вырубил. От шока девочка едва шевелила языком, и дело тут было даже не в таблетках. Ее словно заклинило. Ни хрена не пойму, что за ночь эту случилось. То ли испугалась так сильно, то ли хрен пойми ее, но Коршунова начала заикаться при мне. Сильно.

Когда, наконец, она перестала рыдать и расслабилась, мне все же пришлось ее искупать. Самому, так как я не хотел, чтобы кто-то из персонала лапал ее. Я не хотел делиться тем, что было мое, а она была моей вещью, и перспектива того, что девочка сдохнет от заражения крови, меня не радовала. Коршунова не сляжет так просто, и даже если она оказалась чертовски слабой, я не дам ей умереть так скоро.

Опустив сучку в теплую воду, я смывал с нее кровь, отогревал ее, пока, наконец, ее кожа не стала чистой и снова не приобрела нормальный вид. Девочка при этом еще что-то мяукала, но от таблеток она едва шевелилась, поэтому мне ничто не мешало отмыть ее волосы и убрать кровь вперемешку с грязью с ее ран.

Тогда же я увидел реальную картину, и она мне не понравилась. Расчесанная кожа припухла и стала красной. Раны хреновые, воспаляющиеся, и без антибиотиков точно не обойтись, однако вместе с тем я впервые увидел ее тело открыто.

Уже без тряпок и при нормальном свете. Тварь была красивой, и даже очень. Стоячая полная, хоть и не очень большая грудь, острые ключицы, хрупкие плечи, плоский живот, переходящий в округлые бедра. Промежность аккуратная, гладкая, нежная. Там я смывал кровь, просто скрипя зубами, стараясь не смотреть. Я возбуждался от ее тела и хотел ее снова. Безумно просто, на грани лезвия уже, но понимал, что нельзя. Не сейчас. Не тогда, когда девка едва дышит.

Сука! Она меня выводила. Я хотел ее убить, но еще больше жаждал снова оказаться в теплом податливом теле...

После ванны белые губы куклы, наконец, снова стали розовыми. Как только уложил ее в кровать, она уже почти спала. Она всеми силами упиралась и старалась следить за мной, но таблетки действовали, поэтому вскоре девочка, наконец, перестала мяукать и все же отключилась полностью.

Котенок. Она напоминала мне котенка. Такая же нежная, слабая и теплая. Эта девочка хреново действовала на меня: привлекала, возбуждала, бесила и просто выводила из себя!

Я обработал ее царапины и прикрыл голое тело, чтобы не отвлекало. Смотреть на нее мне нравилось, однако, как только кукла глаза свои открывала, я видел в них Коршунова, и мне хотелось ее задавить. Каждую чертову секунду я желал, чтобы она сдохла.

Как раз в этот момент зашел Виктор.

– Ну как, дышит еще?

– Да.

– Держи, но, Тимур, это плохая идея. Ты же видишь, какая девочка слабая. Посмотри на нее. Ну куда она денется?

Виктор бросает цепь, ошейник от которой весь в крови.

Я проворачиваю его в руках, внимательно осматривая. На каждом металлическом кольце ошейника торчат мелкие острые зубья. Вот почему у нее пошла такая жесткая реакция и раздражение. Блядь.

– Найди мне нормальный ошейник. Из кожи!

– Ладно, понял. Как скажешь.

Виктор недовольно отвернулся, но не стал мне перечить, за что я его и ценил. За понятливость.

Глава 13

Мне кажется, что я лечу. Высоко забираюсь, окунаюсь в облака, вдыхая приятный мягкий ветер, хочу обнять одно из них, однако не ухватываюсь и падаю.

Я лечу так быстро, задыхаясь, и ударяюсь об острые скалы, которые ломают мне кости. Больно.

Просыпаюсь, резко подскочив и слыша бешеный стук сердца. Живая. Все еще дышу.

Не знаю, сколько я проспала, но на улице день, а еще... я есть хочу и пить. Настолько голодна, будто не ела несколько дней, и еще эта жуткая жажда заставляет облизать дико сухие потрескавшиеся губы.

– Воды. Д... дайте воды, – говорю тихо, но никто не слышит. Никого здесь нет, и только сейчас понимаю, что я больше не в подвале. Я в какой-то светлой комнате и, если честно, не очень помню, как здесь оказалась. Так, обрывками лишь вспоминаю, что меня несли на руках. Не помню кто. Мне было так больно и плохо, что я плакала. Даже тогда, когда уже не было слез.

А потом... серебристые глаза. Бес был там. Кажется, он хотел меня утопить или ножом исполосовать мою шею. Не помню. Не хочу это помнить!

Как только вспоминаю, что он мне сделал, слезы подбираются к глазам снова, но я понимаю, что жалеть себя – это последнее, что мне теперь поможет. Я должна выжить, чтобы хотя бы еще раз увидеть родителей, ну или кто они мне... А если монстр прав и это совершенно чужие мне люди? Не знаю, я не могу поверить, пока своими ушами не услышу от матери об этом.

Вздрагиваю, когда дверь распахивается и в комнату входит Бес. Зверь, демон в человеческом обличье, при виде которого у меня сжимается каждая клетка в теле.

– Не подходите!

Сама не понимаю, как соскакиваю с кровати, но из-за слабости тут же падаю на пол. Бес недовольно вскидывает бровь, но его глаза опасно загораются при виде меня. Опускаю голову и с ужасом обнаруживаю, что я все еще голая! Совсем!

– Не-ет!

Рывком стягиваю одеяло с кровати и заматываюсь в него до самого подбородка. Глупая, надо было хотя бы проверить, одета ли я!

Шею дико жжет почему-то, словно огнем ее поливают. Пальцами по нежной коже провожу и невольно кривлюсь. Болит. Сильно! Там как будто раны какие-то. Большие, глубокие.

– У тебя болит что-то? – демон спрашивает серьезно, тогда как я ухмыляюсь.

– А вам не все ли равно?

Болит у меня, и не только шея. Душа у меня воет. От боли.

Сглатываю, когда замечаю в руке Беса бутылку воды. Душу бы продала за возможность попить. Хотя бы каплю...

– Верно. Мне все равно. Ты, наверное, очень хочешь пить.

Не вопрос, констатация факта.

– Да, – шепчу ему тихо. Он прав. Этот подонок прав как никогда.

Вижу, как мужчина берет стул и ставит его напротив кровати. Садится, откидываясь широкими плечами на спинку и широко расставляя сильные ноги. Сегодня он в белой рубашке и серых джинсах. Тут же замечаю его уродливый шрам на лице. Зашит, наверное, около двадцати швов будет точно, однако даже это не омрачает его дикую красоту. Он все равно такой же, только теперь еще более агрессивно выглядит, как... чудовище.

Наверное, в обычной жизни он мог бы мне очень понравиться, если бы теперь я так отчаянно не ненавидела каждую его молекулу.

Вижу, как легко Бес открывает бутылку смуглыми пальцами. Газированная. Как я люблю. Прозрачные пузырьки тут же выходят из горлышка, а у меня остатки слюны собираются во рту, раздирая горло.

– Прошу, дайте попить.

– Подойди и возьми.

Хочу было встать, но понимаю, что это ловушка. Он меня поймает и тогда снова... делает больно.

Отрицательно мотаю головой.

– Нет. Я не могу. Пожалуйста!

– Значит, ты не хочешь пить.

Голос очень низкий, немного хриплый, жесткий. Он задевает каждую струну моей разорванной в клочья души.

Сидя на полу в углу комнаты и кутаясь в одеяло, я спрашиваю единственное, что меня сейчас интересует:

– Что со мной теперь будет?

Бес откидывается вперед, опираясь сильными руками о колени, и я невольно сдвигаю ноги вместе. Я все еще помню его жестокость. Он хуже зверя. Звери не знают, что такое мечь, а он... знает. Ему ничто не мешает сделать мне больно снова и так, как захочет он сам.

– Ты моя, а значит, будешь делать то, что я скажу. Ты должна быть послушной, чтобы я больше не делал тебе больно. Понимаешь меня, мотылек?

– Нет, пожалуйста...

Не замечаю, как слезы собираются в глазах. Да что ж такое! Не могу успокоиться никак. Не могу принять это. Не могу быть просто чьей-то вещью!

Замираю у стены, когда мужчина поднимается, после чего подходит ближе прямо ко мне. Не дышу даже, не могу ничего при нем, кроме как опустить взгляд. На него прямо смотреть мне страшно.

Как застывшая вижу, как Бес из-под кровати ногой достает те самые миски из подвала и насыпает корм в одну из них. Во вторую миску щедро плескает воду из бутылки.

Из груди судорожный смешок вырывается. Это все... уже слишком!

– Я ведь не животное! Зачем вы так со мной? За что?

Замираю, когда монстр бросает на меня взгляд серых глаз, и там я только ненависть вижу. Такую лютую, невыносимую и страшную. Ненависть ко мне.

– Ты хуже животного для меня, Коршунова. Питомцев любят, а ты просто моя собственность. Ешь.

Он кивает на миску, а я смотрю на него и не верю в то, что человек может быть настолько жестоким. Может, оказывается, и даже хуже. Еще ни разу я не встречала таких, как он. Холодных, не знающих жалости.

– Боже, что с вами случилось? Я не верю, что вы не знаете, что такое человечность! Почему, ну почему вы такой?

– Ешь, я сказал! – Бес чеканит грубо и пододвигает ко мне миску. Ногой. Ловлю ее руками. Вижу, что он смотрит. Он хочет этого. Чтобы я ему подчинилась.

Желудок сводит от голода. Настолько слабой я еще ни разу в жизни не была, и теперь этот корм кажется мне не таким уж и плохим, и даже пахнет. Какой-то химической курицей.

Беру пальцами одну горошину корма и пробую на вкус. Хрустящая, но абсолютно невкусная! Просто ужасная. Поднимаю глаза и вижу, что Бес доволен. Он доволен тем, что я взяла корм, и это была просто уловка.

– Давитесь сами этим кормом! Я вам не собака!

Хватаю миску и со всей силы бросаю в эту сволочь, но мужчина буквально на лету отбивает ее рукой от себя, и я вижу, как сильно напрягаются его плечи.

Машинально назад от него отползаю. Я боюсь его. Невероятно сильно, и просто замираю, когда вижу, как Бес подходит к другому краю кровати и возвращается оттуда с длинной цепью в руках.

Глава 14

– Нет, прошу, только не снова! Не трогайте!

В руках у Беса металлическая цепь и ошейник. Какой-то другой, черный, страшный...

Вжимаюсь спиной в стену, но она не спасает. От него ничто не спасает, и мне становится плохо, когда он наклоняется ко мне.

– Иди сюда.

Еще миг, и Бес с легкостью откидывает одеяло, лишая меня всякий защиты от него. Прикрываюсь руками, поджимаю под себя колени. Не хочу, чтобы снова видел меня голой. Мне больно от одного только понимания этого.

Забиваюсь, как птичка, но мужчина ловит мое лицо, заставляя посмотреть себе в глаза.

– Успокойся.

– Нет! Не трогайте... не надо!

Все мое тело трепещет рядом с ним в агонии. Я чувствую его прикосновение к лицу. Бес не делает больно, но у меня почему-то кожа горит. Пламенем диким, сумасшедшим просто накалом.

В какой-то момент голова начинает кружиться, а пальцы опять немеют. Опускаю глаза. Не могу смотреть на него. Смотреть на такого красивого внешне, но страшного внутри мужчину просто не способна.

Во рту становится еще более сухо, как-то терпко, и я понимаю, что отключаюсь, но Бес не позволяет, встряхивая меня за плечо и перехватывая лицо.

– Кукла, смотри на меня. На меня! Ты будешь меня слушаться? Последний раз спрашиваю.

– Нет! Идите к дьяволу!

Вижу сквозь слезы, как сильно ходят желваки на скулах у монстра, после чего он меня отпускает, перехватывая цепь.

– Тогда будешь сидеть на цепи до тех пор, пока не поумнеешь.

– Не надо! Не н... надо, – слова вырываются из горла, но я их будто глотаю. Дыхание сбивается. Я опять заикаюсь, когда Бес, зажав меня у стены, с легкостью надевает мне ошейник на шею.

Пытаюсь противостоять, но это все равно что со львом бороться. У меня нет ни шанса. Ни одного оттолкнуть его от себя.

Мои трепыхания Бесу нисколько не вредят. У меня совсем нет сил, и, как я ни стараюсь его поцарапать, ничего не получается.

Когда ощущаю снова ошейник на шее, у меня как будто какой-то приступ начинается. Я кричу, задыхаюсь, тяну его, но Бесу все равно. Он поднимается и пристально смотрит на мои трепыхания. Я же словно умираю. Быть на привязи хуже всего! Когда чувствуешь свою слабость, зависимость, беспомощность! Когда ты хуже собаки, хуже животного. Для него.

– Снимит... те эт... то. Боже! Хват... тит!

– Не истери. Попроси нормально, и я отвяжу тебя.

– Чего вы х... хотите? Моей смерти? Так уб... бейте, убейте меня!

Говорить невероятно трудно. Всхлипы не позволяют расслабиться, а спазмы в груди – нормально произносить слова, но Бес прекрасно меня слышит и смотрит так... как на грязь какую-то.

Забиваюсь в углу, когда он наклоняется ко мне и хватает за цепь, одним движением привлекая к себе.

Сквозь слезы вижу его лицо. Мрачное, суровое, жестокое. И нет в нем никакой жалости. Бес не знает, что это такое.

Опускаю глаза, но он специально поддевает пальцем подбородок, заставляя посмотреть на себя.

– У тебя его глаза. Сучьи, блядь, отцовские глаза!

Его кулаки при этом сжимаются, а я плачу. От ужаса.

– З... зачем вы забрали меня из того подвала?! Бросили бы там, и я б... бы и так умерла!

Встречаюсь с диким взглядом Беса. Сколько ненависти у него. Ко мне. Зверь это, а не человек. Дикий.

– Нет. Ты умрешь, когда я захочу, и так, как я захочу.

– Я ч... человек. Я женщина! Со мной н... нельзя. Так, – шепчу ему, всхлипывая и смотря в эти красивые серебристые глаза. Ну почему ты такой... холодный, как лед арктический.

– Ты забыла, девочка. Ты не женщина для меня. Ты моя сука, ты моя вещь.

После этого Бес отпускает меня, и я просто падаю на пол, заливаясь слезами. У меня нет больше слов. Я понимаю, что его ненависть ко мне просто не имеет границ.

Вижу, как после этого Бес выходит из комнаты, громко хлопнув дверью.

Вытираю мокрое от слез лицо дрожащими ладонями, жадно ртом хватаю воздух в надежде успокоиться.

Почему он забрал меня из того подвала... Уверена, что я бы умерла там в скором времени. Бесу даже руки не пришлось бы марать, но он забрал меня в эту теплую комнату, а значит, он будет делать мне больно снова и снова...

Не знаю, сколько проходит времени, но мне кажется, что я просто скоро повешусь на этой цепи, прикрепленной к батарее, так сильно меня колотит. Но, к несчастью, ошейник довольно широкий, и, как я ни стараюсь высвободиться, он лишь причиняет боль, но выбраться из него я не могу.

Слезы душат. Как вообще так можно? За что? Бес все про род говорит, про долг, месть, вот только что такого страшного моя семья ему могла сделать, что?!

С силой тяну эту чертову цепь, но она не поддается. Совсем, и тогда, обессиленная, глотая слезы и завернувшись в одеяло, я просто опускаюсь на пол.

Глава 15

Я лежу на полу до самого вечера. На помощь больше не зову, так как понимаю, что нет смысла. Тот мужчина на улице, которого я тогда остановила, вероятно, не единственный, а один из многих. Они тут все заодно со зверем, а значит, для всех я лишь жертва.

Я поднимаюсь, когда слышу запах. Запеченное мясо с овощами. Такой приятный, сильный аромат, от которого мой рот тут же наполняется слюной.

Усмехаюсь. Наверное, это уже галлюцинации. Нет тут никакого мяса, а тем более овощей. Здесь валяется только перевернутый мною отвратительный корм, который я пыталась есть, но не смогла. Физически просто не сумела пересилить себя, но, как оказывается, запах мяса мне не привиделся, так как уже через миг дверь открывается и в комнату заходит женщина лет пятидесяти. Она молча заносит большой поднос, полный еды, и ставит его на небольшой столик рядом с креслом. Так, чтобы я могла достать.

– Помогите... прошу, – шепчу ей, но она даже не смотрит на меня. Молча разворачивается и уходит.

Усмехаюсь горько. Даже не сомневалась, что меня она слушать не будет. Она Бесаеву подчиняется и всей его семье.

Бросаю взгляд на этот поднос. На большой тарелке парует еще горячая свежая еда. Действительно, мясо. Небольшие кусочки разложены вместе с овощами. Блюдо по запаху и виду очень аппетитное, поэтому я прикусываю губу, чтобы не разрыдаться снова. Я есть хочу, однако какой бы голодной ни была, не подхожу к этому блюду. Вдруг оно отравлено или там стекло... Может, это очередная игра и зверь хочет снова унижить меня, поэтому я не трогаю пищу, оставаясь голодной.

Завернувшись в одеяло, как в кокон, устраиваюсь у стены, но вскоре дверь открывается и входит Бес. Он быстро находит меня глазами и почему-то недовольно поджимает губы, когда видит нетронутый поднос.

При виде его я не знаю, куда деть глаза. Хочу, чтобы ушел. Немедленно, так как дышать становится труднее.

Вижу, как Бес подходит ближе ко мне, садится на кресло и... начинает есть. Вилкой и ножом разрезает мясо и отправляет в рот, тогда как я умираю от голода!

От обиды слезы собираются в глазах, и я опускаю взгляд, быстро находя собачий корм. Похоже, вот это моя еда. Та, которую, он думает, я заслуживаю.

– Ты голодна? – замираю, когда Бес серьезно обращается ко мне.

– Вы же знаете, что да, – отвечаю тихо, но знаю, он прекрасно меня слышит. Хорошо, что я уже немного успокоилась и могу говорить нормально, не заикаясь на каждом слове.

– Иди сюда, – бросает резко, а я теряюсь. Зачем Бес зовет меня? Чтобы снова сделать больно...

Не двигаюсь. Я вообще ему не доверяю.

– Ко мне, я сказал! – грубо, без права на отказ, поэтому я все же поднимаюсь.

Придерживая одеяло рукой, осторожно подхожу к мужчине. Не знаю, что делать. Я боюсь его настолько, что аж коленки трясутся.

Оказавшись рядом, не смотрю в глаза. Там один только лед. Вдыхаю его приятный запах вперемешку с запахом мяса, и мы оба слышим, как урчит мой живот. От голода. Я не съела за эти дни ни крошки.

– Попроси, если хочешь еды.

Мельком поглядываю на зверя и вижу, что он смотрит на меня. Прямо. Не отводя взгляда. Не понимаю, чего он хочет, а после до меня, наконец, доходит смысл его слов. Он жаждет моего подчинения. Вот чего.

Маюсь секунду, но голод сильнее. Я понимаю, что, если откажусь, буду опять голодать, и уже неизвестно сколько, а чтобы выжить, мне нужны силы.

Ломая каждую клетку и свою гордость превращая в пепел, я опускаюсь перед ним на колени. Не смотрю на зверя, но шепчу ему:

– П... пожалуйста.

Запинаюсь на этом проклятом слове, но все же выдавливаю его из себя. В груди все жжет, но я понимаю, что нет иного выхода. Его просто нет.

– Умница. Открой рот.

Приоткрываю сухие губы, когда вижу, как Бес голыми руками разламывает еще горячее мясо, снимая его с кости. Большие кусочки распадаются на более мелкие, и тогда мужчина берет один из них и подносит к моему рту. Кладет мне на язык, задевая губы и смотря прямо на меня.

Я же не сдерживаюсь. Слезы все же капаят из глаз. Прямо ему на огромную смуглую руку, но я не шевелюсь. Я боюсь его, ведь он и есть смерть.

Дергаюсь, когда второй рукой Бес слезы мои вытирает. Боюсь даже пошевелиться. Ощущение такое, что беру еду от дикого хищника, который сам может запросто меня сожрать.

Как только ощущаю невероятно вкусное мясо, тающее во рту, глотаю его целиком, даже не прожевывая. После зверь берет еще один кусочек мяса. Кладет его себе на ладонь и подносит ко мне. Я послушно беру губами у него это мясо, только тогда полностью понимая, насколько голодна. Я ем с его рук, вдыхая его запах. Как собачка. Как его сука, которой он меня считает.

Сидя на коленях, я съедаю так несколько кусочков теплого мяса. Также Бес дает мне немного овощей и хлеба и в конце дает попить, но, как только я ощущаю жидкость во рту, делаю два жадных больших глотка и начинаю кашлять. Я давлюсь этой чертовой водой.

– Тихо. Я дам еще. Не спеши.

Он останавливается, после чего дает снова мне сделать несколько глотков, и только тогда я чувствую себя немного лучше. После этого Бес поднимается, идет в ванную, и вскоре я слышу шум воды. Он возвращается с одним только полотенцем на бедрах, и я понимаю, что он не просто так меня покормил. Ему нужно мое тело. Живое, а не просто полудохлая тушка без сил.

Замираю, когда вижу полуобнаженного Беса. Тогда в подвале не видела, тогда от слез я вообще ничего не видела и чувствовала только одну боль.

Теперь же я могу рассмотреть его намного лучше. Широкоплечий, высокий, крепкий. Смуглая кожа бронзой переливается на свету. Мышцы бугрятся, давая понять, что этот зверь отлично тренирован.

– Ко мне, кукла.

– Нет... не подходите! – вскрикиваю. Сердце за секунду ускоряет ритм до предела. Я помню все, что он тогда со мной сделал, и не вынесу этого снова. Абсолютно точно.

– Не подходите ко мне!

Бес не реагирует и, видя, что я не двигаюсь с места, спокойно подходит ко мне сам.

В стену снова вжимаюсь, прячась за одеялом, но он с легкостью ловит меня за цепь. Вижу, как сжимает зубы, когда замечает мою голую шею. Я ее царапала днем. Сильно. Не знаю, зачем так делаю. Просто мне давит этот ошейник, и мне в нем жутко неудобно. Он мне мешает. Постоянно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.